

Михайло Малюк

**В ГЛУБИНАХ ВСЕЛЕННОЙ
СОБИРАЯ СЛОВА...**

Київ
2015

ББК 84.3УКР6
М 21

Малюк М.М.
В глубинах Вселенной собирая слова...
м 21 *Ессе.* — К.: ВПЦ «Київський університет»,
2015. — 160 с.
ISBN 978-966-439-835-7
Ессе о творчестве Анатолия Можаровского.

ББК 84.3УКР6

Верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

ISBN 978-966-439-835-7

© Малюк М.М., 2015.
© Урбанська С.Г.,
художнє оформлення,
2015.

ВРЕМЯ, ИЗГАЖЕННОЕ ЧЕЛОВЕКОМ

Эх и в позорнейшие же времена живём! Куда ни бросишь взгляд — ложь, цинизм, лицемерие. А тут еще и бахвалятся вдохновенно: “Государство обустройстваем! Систему реформируем! Коррупцию изводим!” От этих обустройщиков, реформаторов и борцов с коррупцией уже и спасения нет: ни улицу перейти, ни на тротуар ступить — везде автомобили один другого роскошнее и дороже: ихние, ихних деток, жен, любовниц; в самом-то деле — не пешком же им ходить? Обычным стало выпячивание безумной роскоши: депутат Верховной Рады “ничтоже сумяшеся” соловьем заливается в прямом телеэфире от какого Армани или Пако Рабана его ежедневный костюмчик и в каком салоне Парижа или там Лондона он любит выбирать галстуки. Неужели не знает, что среднестатистический украинец, пусть бы даже духом святым питался от рождения до смерти и убивался на работе от зари до зари, на такой костюм и галстук не стянется? На

его теле давно уже болтается тряпье с чужого плеча, вывезенное из Европ и Америк и проданное на барахолках и секонд-хендах, контролируемых теми же красиво врущими модниками, что легионно сплотились в неприкосновенный кодык депутатства — от сельсовета в какой-то Чухраивке до всеобщевеерховной. И государствуют себе. И на себя.

Выставляя себя великими государственными деятелями и проводниками народа, они не воспитывают, а соблазняют народ: надменно кичась неправедно нажитым, разжигают в людях жадность и зависть, забывая, что мы вышли из империи всеобщего дефицита — еще совсем недавно даже вещи, необходимые в быту, в свободной продаже не сыскать было. На кухонные гарнитуры Броварской фабрики записывались в очередь, месяцами бегали отмечаться в списке; цветные телевизоры киевского и львовского производства тоже не в каждом универмаге стояли. И вдруг — на тебе — всё есть! Мир настарался. И вывалил нам — берите! Вот и дорвались...

Выходить из длительного голода нужно осторожно: воздержанным употреблением легкой пищи, а не обжорством, иначе —

неминуема в страшных мучениях смерть. Вот и из состояния “вещевого голода” нужно было выходить так же. Ан нет. Наглотались по самое некуда! Нет бы остановиться, но они, одурев от алчности, еще и от имени государства набрались по миру долгов, как собака блох, и людей приучили жить не заработанным, а взятым взаймы; наплодили банков — на каждой улице банк: чуть ли не через каждые десять шагов — банк! банк! банк! Лезут в глаза, как наглая цыганка с ворожкой: возьми кредит! возьми! выгодный процент! неси деньги! ложи на депозит! обогащайся! Манят, соблазняют: как заработать, лишь бы не работать. Наконец-то вековая мечта обывателя о богатстве на халяву сбывается — не даром ведь в “перестроечные” и первые годы независимости так немеряно расплодилось шулеров, которые загребали миллионы на адском зложелании разбогатеть, не ударив пальцем о палец: цвели-расцвели всяческие трасты и финансовые пирамиды. Каждый хотел стать Лёней Голубковым из рекламы “МММ” и походя удовлетворять свою блажь и любые прихоти.

Вот уже четверть века всяческие партии и партийки, что периодически прорыва-

ются к государственному корыту, туманят нам головы государственностью и независимостью. Да это не государство — кодро воровское, в котором козыряют надменно наворованным; малина воровская, а не государство! Ведь недаром всяческие там “эфэмы” шансонят нам о романтике уголовщины, идеалют проститутку, а телеканалы сериалют длиннющие саги о бритоголовых братанах-уголовниках... Поневоле ловишь себя на мысли, что большая часть населения Украины прошла лагеря и зоны, а оставшая часть просто мечтает туда попасть. И это государство? Дурдом без врачей и санитаров, где каждый творит, что хочет и не боится наказания — свобода! И как же они этой свободешкой упиваются, как же восхваляют ее с канала на канал перепрыгивая, как одуревший от солнца теленок, которого впервые выпустили из темного сарая! Там они режут правду-матку! Там они заливаются праведным гневом, увидев упыря с чужого кодряка, что с противоположной стороны ихнего корыта чавкает! Ачу! Куда прешься?! Это же наше! Наши ценности! Наша независимость! Да где та независимость и от кого? Нищий тоже независим — независим от

обязанности работать: где выпросит, где украдёт, тем и живет; а власти украинские разве иначе себя ведут? Оббивают пороги Европ и Америк: то на Чернобыль слёзно просят, то банкам-погорельцам от мирового кризиса клянчат; как наглые босьяки, что коросту на ярмарке напоказ выставляют, лишь бы лишнюю копейку из доверчивой бабы выдурить, раздирают свои болячки по ООНам и Советах Европы, — смотри и настарцуют там какую сотню другую миллиончиков, но пока допрут поводыри ту торбу с подаяниями домой — половину по собственным карманам и пазухам распихают, а остальное уже меньшие доворуют, и вновь с котомкой по миру... Так это о такой независимости мечтали, за такую независимость страдали по тюрьмам и ГУЛАГам тысячи жертвенных сынов этой земли? Что дает нынешнее украинское государство каждому честно работающему гражданину? Мизерную зарплату, которой едва хватает, чтобы оплатить квартиру и, перебиваясь с хлеба на воду, от голода не пропасть? А тем миллионам, что всеми правдами и неправдами вырвались за границу, лишь бы хоть за какую работу зацепиться, что дало? Украин-

ский паспорт? Но разве не безразлично тысячам униженных бомжей под каким флагом ковыряться в мусорниках? Так для кого такое государство? Для кобла надменных сановников, что уже с дурных денег совсем взбесились: один любимым собачкам по три евробудки с подогревом ставит, другой в туалете на золотой унитаза садится, третий в прихватизированных лесах на людей охотится...

Каждый человек, что честно делал свое дело и верил в украинское государство как гарантию воплощения своих творческих порывов, видит позор, каким все окончилось, и не ищет виновных извне: не москали, не евреи, не американцы нынешнюю Украину нам построили. Мы сами постарались. Своим безразличием, лицемерием, вечными оглядками на соседей — а что они подумают?, — отвращением к скромному ежедневному труду во благо Отчизны, а не на собственный карман, молчаливым потаканием злу, адской завистью и лакейским лебезением перед самым ничтожным начальником... Горько осознавать, что столетиями воспеваемый и обожествляемый интеллигенцией народ на самом деле из варварства то никогда и не вылезал, а толь-

ко лицемерно маскировал свои низменные инстинкты до поры до времени. Смертельный недуг, который изводит нынешнее общество — нераскаянность, сознательное дистанционирование ото зла ежедневного в действиях и помыслах, поиск виноватых — виновен кто-то, но только не я...

И кто как не писатели должны бы увидеть этот ужасный общественный распад и лицемерие, которые ведут к гибели растоптанной человеческой души, и силой дарованного им Богом таланта ударить в набат! Но молчат — ни пара из уст. Современная литература упрямо игнорирует проблемы сегодняшнего дня, предпочитает не замечать униженных и оскорбленных соотечественников, не делает их героями романов, повестей, новелл. Удивительным образом у нас почему-то не срабатывает закономерность опыта мирового писательства: литературные шедевры рождаются в обстоятельствах исторического кризиса, который и вызывает к жизни настоящую литературу, поскольку кризисные, переломные моменты в обществе резко выявляют человеческие характеры, оголяют страсти, заостренные открытой борьбой добра и зла. Возможно, сказыва-

ется и сущность украинского характера: скорее терпеть несчастья, чем попробовать деятельно избавиться от них. Мы гордимся своей способностью к компромиссам, которые, по сути, ничто другое, как конформизм, отказ от борьбы, отказ от выбора: ведь в отказе от выбора — трусость, безразличие, эгоистическая лень. Да даже и больше: наша любовь к компромиссам отображает также и особенности нашего воображения, нашу национальную и индивидуальную склонность к метафоре, наше умение творить мифы о самих себе, о своем прошлом и будущем и наделять эти мифы достоверностью настоящих событий. Другие нации смотрят на себя в зеркало и, или мнят с увиденным, или делают практические шаги к тому, чтобы улучшить свой образ. Мы же рисуем на стекле идеальный или воображаемый образ, а потом прозябаем в грехе несовпадения со своим идеалом.

Сказанное выше касается не только литературы, но и политики, общественной жизни, экономической деятельности, семейных отношений да, наконец, и каждого из нас: ведь все мы — конформисты, и творим свои пакости с животной простотой и без душевных колебаний.

...У нас много говорят о государстве, о его внешних атрибутах, политическом и административном устройстве, но почему то никто не озвучит мысль, что государство, в первую очередь, призвано оберегать своих граждан от варварства, окультуривать их, заботиться о духовном развитии личности и создавать условия для ее развития и усовершенствования природных способностей и талантов.

У нас же такое чувство, будто живем на оккупированной территории. Здесь всё чужое и враждебное. Власть — парламент, президент, правительство — существуют как бы в параллельном мире, где келейно решают свои, далекие от потребностей простого украинца проблемы. На рынках и в магазинах — пища, одежда, бытовая техника — стянуты со всего мира, а не изготовленные в Украине. В телевизоре, на радио, в газетах и журналах — чужой язык, навязывание враждебных, презрительных ко всему украинскому, идей... Какие таланты? Да здесь бы биологически выжить!

Апатия, отчаяние, разочарование, неверие, циничное равнодушие к себе, к ближнему, ко всему миру тяжелым грехом выжигает души миллионов украинцев, бро-

сает в пьянство и гибельный ад наркомании, изводит онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями... Молча, обреченно вымираем...

И разве с последним вздохом, почерневшая и нераскаянная душа заголосит: “Боже, почему ты оставил нас?!”

Не Бог оставил нас.

Мы его предали. И отвернулись.

А Он никогда не оставляет нас.

Даже во времена казалась бы совсем безнадежные, Он с нами. С нами и Его благодарить.

Муки, болезни, нестерпимые утраты — благо Его любви, ибо дают возможность и прожженному грешнику опомниться, искренне раскаяться, вернуться пусть на крохотном, пусть уже последнем отрезке земного бытия к Богу и Его Заповедям, раскаянием спасти душу от мук и мытарств куда ужаснейших, там, уже за порогом земного бытия...

***

Когда ко мне попали первые рукописи Анатолия Можаровского, я, признаюсь, опешил. Более тысячи страниц, исписанных торопливым размашистым почерком,

были сложены в четыре увесистых папки, на которых едва сходились тесёмки. Несколько дней я ходил вокруг да около, не отваживаясь приступить к чтению — уж очень большой, даже громадный, объем переданной мне рукописи невольно вызывал подозрение — а не графомания ли это? Но первые же прочитанные страницы развеяли предубеждение: несомненно — явился настоящий поэт, обладающий своим оригинальным языком и стилем, поэт предельно откровенный, поэт-первопроходец и воин, сознательно и ежедневно бросающий себя в неравные, и не сулящие побед сражения с обезумевшим миром. Поэзия отличалась напористостью и стремительностью стихии. Долго сдерживаемый талант как внешние воды прорвал плотину, вырвался на волю и внезапно, разом, залил все прилегающие территории: поэту не терпелось сказать обо всем и сразу. Здесь соседствовали трогательные воспоминания о первой любви, запоздалая нежность и невыговоренная в свое время признательность ушедшей в вечность матери, тревога и боль дней сегодняшних, грозные инвективы и лирические зарисовки. В разнообразии тем поэт интуитивно искал

свою форму стиха, собственный стиль, свои языковые средства. Восхищала целеустремленность, с какой этот человек работал над усовершенствованием своего мастерства. От книги к книге его поэтический голос становился всё увереннее, обретал индивидуальность, непохожесть, выбивался из традиционных поэтических форм.

Я пытался понять этот удивительный феномен: откуда занятый и преуспевающий бизнесмен обрел вдруг такое поразительное поэтическое вдохновение?

Сам он не считает себя творцом своих поэзий: “Моей заслуги в этом нет. Я только орудие для фиксации созданного истинным Творцом.”

Можно, конечно, принять эти слова как шутку или попытку уйти от конкретного разговора о приемах и методах творческой работы, ведь многие художники ревниво хранят свои творческие секреты как нечто очень личное, интимное — на то она и тайна творчества. Но в данном случае наверное так следует поверить автору. Согласно *теории духовной интуиции*, духовная интуиция проявляется в творчестве как вдохновение. Вдохновение как выс-

шая форма интуиции приносит художнику готовую идею произведения, а нередко и готовое, завершенное произведение, которое остается только записать или исполнить. “Есть еще один шаг дальше, когда человек не может больше оставаться просто поэтом, музыкантом или философом, а становится только инструментом Бога. Бог начинает говорить с ним через все: не только в мелодии, в стихе, цвете или свете, но во всех формах. Через все, что он видит сверху или снизу, справа или слева, впереди или сзади, будь то земное или небесное, он общается с Богом. Он всюду видит Бога, и именно этот шаг называется откровением”^{*}.

В истории мировой культуры известны многие произведения в которых автор выступает “только инструментом Бога”. Это удивительный лирический фрагмент “Кубла Хана”, который приснился английскому поэту Сэмюэлу Тейлору Колриджу, соната Джузеппе Тартини “Trillo del Diavolo”, “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда” и “Олалла” Р.Л.Стивенсона. Но наиболее яркий при-

---

^{*} Хазрат Инайат Хан. Мистицизм звука. — М., 1997. — С.93.

мер проявления духовной интуиции много-
готовник (более 15 тысяч страниц!) Ма-
рии Вальторты “Богочеловек. Жизнь и
страсти Господа нашего Иисуса Христа”.
Мария Вальторта четко объясняла, что ее
произведение — это Божьи откровения,
“видения” или “диктанты”, которые по-
сылало ей небо в любое время дня и ночи.
Она утверждала, что есть только сред-
ством, орудием, пером в Божьих руках.
Прикованная к постели тяжелой болез-
нью, даже во время приступов нестерпи-
мой боли она вдруг начинала писать. Она
не пользовалась какими либо источниками,
иногда сама не понимала написанного.
Никаких, даже незначительных ошибок в
деталях одежды, быта, описаниях тогдаш-
ней жизни ученые и богословы не обнару-
жили. Все они признали оригинальность и
неповторимость произведения Марии
Вальторты. Невозможно объяснить его
происхождение от человека; даже учиты-
вая интеллект, память, образованность,
терпение, все психические и духовные
данные писательницы, все же невозможно
приписать ей такие точные знания и такое
совершенство в теологии.

В ЛЮБВИ И ВЕРЕ

Житомирское Полесье... Вековые леса, россыпь голубых озер, привольные луга, извилистые речушки с увитыми ивняком берегами, а над ними звенящий птичьими голосами простор... В этих сказочных, по сей день почти не тронутых цивилизацией местах, лежит село Кочеров. Здесь, 20 ноября 1954 года, родился Анатолий Можаровский.

Изумительная природа, тогда еще многолюдное и поющее по вечерам село, местный самодеятельный театр, сказки и предания местных старожилов приобщили мальчика к прекрасному, рано пробудили в нем тягу к творчеству. Еще школьником он начал сочинять стихи и юморески, с которыми с огромным успехом выступал в местном клубе и по окрестным деревням. Тогда же сделал и первые попытки напечататься, посылая свои стихи и рассказы в киевские газеты и журналы, но неизменно получал формальные отписки и советы читать классиков...

Классиков он читал. И не только клас-

сиков. Перечитал все книги, которые были в сельской и школьной библиотеках. Тогда же начал собирать и свою домашнюю библиотеку, покупая книги на первые, заработанные на сборе грибов, ягод и лесных орехов деньги.

Окончив в 1969 году восемь классов местной школы, Анатолий поступил в Киевский техникум железнодорожного транспорта. С переездом в столицу он, на сколько позволяла скудная стипендия, приобретал книжные новинки, посещал театры и художественные выставки. Стихи писал все реже и реже, и наконец бросил, целиком посвятив себя учебе. По окончании техникума в 1972 году два года служил в армии. После демобилизации продолжил обучение в Киевском институте железнодорожного транспорта. Работал на Юго-Западной железной дороге, преподавал в родном институте.

В первые годы независимой Украины начал успешно заниматься бизнесом. Было всё: “наезды” ментов и бандитов, назойливые “проверки” налоговиков, откровенное вымогательство коррумпированных чиновников. Не сломался, выстоял. В созданных им коллективах получили хо-

рошо оплачиваемую работу несколько десятков людей.

Жизненный опыт, виденное и пережитое, деятельная натура Анатолия требовали чего-то большего, и он снова обратился к мечте своей юности — поэзии. Художник жил в нем всегда...

Талантливый человек многогранен. Он может проявить и реализовать себя в различных, иногда противоположных сферах деятельности — в мире духовном, равно как и в материальном. Анатолий Можаровский из таких многогранно талантливых личностей. Высшая цель его жизни — личное развитие. Человек должен осуществить все, что в нем заложено. Всю свою внутреннюю жизнь, все свои внутренние задачи, богатства — все это надо вывести во вне, каких бы великих трудов это стоило. Он понимает: если вы хотите себя осуществить, себя реализовать, реализовать свой внутренний мир, реализовать свою личность, то вам придется встретить страшное сопротивление. Сопротивление обстоятельств, среды, окружения. Вам придется преодолеть великое встречное противодействие. Развитие, усовершенствование постоянно требует усилий, напряженной

духовной работы. Надо быть сильным. Только сильная личность не приемлет стихии несчастий — может проиграть и начать все сначала, с нуля, с чистого листа. Сильная личность готова снова и снова преодолеть любое новое противодействие и никогда не отречется от идеала развития.

Поэзия Анатолия Можаровского — поэзия развития. В центре его поэтического мира — человек развивающийся, стремящийся к самоусовершенствованию, что в итоге влечет за собой и преобразования в обществе, в стране, в мире в целом. Его любимый герой — сильная личность. Сильная верой в правду, живущая этой правдой, ибо правда — это истина, открытость, свет. Все что вне правды — тьма, слепота, ложь, лицемерие, обман.

***

Казалось, нынешняя поэзия, как, собственно говоря, и вся литература на постсоветском пространстве, освободившись от цензуры и пристального партийного контроля, получила наконец неограниченную свободу. Ожидалось, она явит миру шедевры, заблестит новыми именами, выработает оригинальные жанры и стили.

Получилось наоборот. Оказалось, сами литераторы не готовы к свободе и совершенно неспособны пользоваться дарованными ею возможностями. Многие увлеклись экспериментированием над формой стиха, как будто забыв, что подобные увлечения исчерпали себя в европейских, (да и в русской и украинской) литературах еще в начале прошлого века. Многие начали тянуть в свои произведения ненормативную лексику, но и русский мат не помог создать ничего сколько-нибудь значительного. Многие, заострив внимание на следствии и не видя причины явления, бросились описывать низменные страсти, избрав объектами антисоциальные элементы, смакуя при этом отвратительнейшими подробностями, и снова ничего кроме разочарования и собственного бессилия такая якобы “литература” не показала. Да и не могло быть иначе. В искусстве, в данном случае речь идет о литературе, автору позволено все, в том числе и рискованные эксперименты с формой и языком, но только при условии, что писатель сумеет заставить читателя поверить ему и сопереживать, а для этого ему, писателю, нужно и самому быть искренним и правдивым, даже

рассказывая самую невероятнейшую историю, и, главное, он в равной степени должен любить всех созданных им героев, как Творец любящий равно созданных им детей — праведных и грешных. На понимании этого и стоит веками мировая литература.

Как это ни прискорбно, но украинская литература, как и украинская власть, как, собственно, и весь украинский народ, живут иллюзиями и самобманом. Здесь всё зыбко и ненадежно. Вроде бы и есть государство, о котором мечтали и за которое сражались веками, но, на самом деле, оно много враждебнее простому человеку, чем даже порабоцвавшая его столетиями империя. Вроде бы есть избранные демократически парламент и президент, и правительство свое, не навязанное извне, но они существуют как бы в параллельном мире, где келейно решают свои проблемы, далекие от насущных требований жизни простых украинцев.

Украинские писатели почему-то закрывают на это глаза, живя своими иллюзиями и своей мнимой свободой, продолжая сражаться с ветряными мельницами советской империи, рухнувшими четверть века

назад. Они, как и прежде, ищут врагов извне, вспоминают давние обиды; заиклившись на прошлом, не видят ужасов творимых сегодня уже своей, “демократической и независимой”, властью да, чего греха таить, и веками воспеваемым ими народом. Они упорно имитируют бурный литературный процесс, проводя презентации собственных, изданных мизерными тиражами книг, страстно добиваются ничего не значащих литературных премий, годами ожидают подачек от властей предрежащих в виде медалей и званий. О какой независимости литературы может идти речь? Понятно и падение читательского интереса — среднестатистический украинец в год покупает книг на 2,9 евро...

Анатолий Можаровский — поэт уникальный для Украины, да, пожалуй, и для всего постсоветского пространства. Своими поэтическими книгами ему удалось создать воистину эпическое полотно — события конца двадцатого начала двадцать первого столетий показаны через личностное восприятие: падение коммунистической тоталитарной системы, распад Советского Союза, радужные надежды на будущее порожденные свободой, и горькие ра-

зочарования днем нынешним, когда ожидаемая свобода и независимость превратились в очередной, еще более жестокий и бесчеловечный тоталитаризм.

Его стиль, его взгляд на современный мир, настолько новы и ни на что не похожи, что вызывают у многих недоумение и неприятие, а то и откровенную враждебность; его, как и библейских пророков, готовы побивать камнями и гнать с глаз долой за каждое слово, слетевшее с его уст, ибо слово это — Правда. Непрыкрытая. Неприукрашенная. Пугающая.

После выхода очередной книги “Эпоха в застенке” его три месяца терроризировал провокационными телефонными звонками некий полковник милиции: поэт, видите ли, осмелился писать о политических репрессиях в Украине и цинизме властей!

Даже коллеги-писатели в большинстве своем не воспринимают творчества Анатолия Можаровского — самое малое, что ему вменяют в вину: мол, начитался, американских поэтов и себе давай гнать в том же духе! Более абсурдного обвинения, пожалуй, не придумаешь.

Нельзя не заметить постоянно растущее от книги к книге мастерство, все более чет-

ко выраженную социальную направленность его поэзии. Сегодня Анатолий Можаровский уже целиком сформировавшийся поэт, имеющий свой, легко узнаваемый и ни на кого не похожий, голос.

Хотя мы и живем в христианской стране, но от истинного христианства далеки — остались лишь внешние формы обрядов. В сущности, христианство у нас далеко уже не христианство. Завета Любви никто не осуществляет. Одни живут за счет других: знают, что есть бездомные и голодные, но возводят себе дворцы и пиршествуют ежедневно; могут воровать якобы законным способом и презирать честного труженика; позволяют демонстративно возводить на украденные у сирот деньги помпезные храмы и постреливать в прихваченных угодах нищих сограждан. Это ли христианство? Полный распад общества, на руинах которого беснуется новый вид существ, для которых мы, люди, только лишь декорации, источник доходов, податливый материал для удовлетворения прихотей. Все это видит и понимает Анатолий Можаровский, об этом и пишет. Каждое его стихотворение — звено в цепи горестных столкнове-

ний художника с враждебным человеку миром. Воплощенные в художественные образы потрясающей реалистической силы, проникнуты безграничной любовью к людям поэзии Анатолия Можаровского не только обличают, но и указывают путь к спасению и возрождению, путь простой и, к сожалению, для многих немыслимый — жить в истинной вере и любви к Богу, жить по Его Заповедям.

ПОЭТ В НЕ-ПОЭТОВ ВРЕМЕНА

Нынешние власти предержавшие и подпевающие им имитаторы от культуры, отвечая на упрёки о нищенском состоянии литературы и литераторов, — тиражи книг в сегодняшней Украине смехотворны! — лицемерно заявляют: Есенина, Пастернака, Ахматову тоже издавали в количествах не превышающих сотню-другую экземпляров, что не помешало им стать великими поэтами; и, вообще, нечего сетовать и попрошайничать у государства: мы же вам рынок дали — он и решит, он и урегулирует ваши проблемы, работайте, платите налоги и всё устаканится. Да, красиво излагают! Уж поднаторели во лжи и демагогии, куда их коммунистическим предшественникам! Одурманив сказками о справедливой приватизации и бреднями о рыночной экономике довели народ до полнейшего одичания, разбудив в нем самые низменные страсти и желания: зависть, жадность, жестокость и продажность, неутолимую жажду денег — любой ценой. Какие уж тут книги, какая поэзия! Даже в

кошмарные годы революции и гражданской войны, поэзия была востребована: пусть скромными тиражами, на плохой бумаге, но книги печатались, их читали, о них дискутировали, выступления поэтов собирали огромнейшие аудитории — вспомним хотя бы “дуэль” Есенин-Маяковский, а в Украине — триумф молодых Павла Тычины и Владимира Сосюры.

Анатолию Можаровскому суждено было стать поэтом в нынешние, не-поэтов, времена и нести этот тяжкий, почти неподъемный крест, оставаясь неслышанным современниками. Испытание славой — ничто в сравнении с испытанием равнодушием и незамечанием; нет убийственнее для поэта, писателя отсутствия внимания читателя; а сегодня, стоит сказать правду, и самого-то читателя нет. Не читают сегодня книг! Не читают даже те, что с пеной на губах дерут глотки на митингах: кто отстаивая “великий и могучий, второй государственный”, кто защищая “солов’їну” — полезнее было бы и для них, и для “защищаемых” ими языков, если бы они на деньги, истраченные на проезд, флаги и пиво, выпитое после “баталий” политических, купили книги.

Хронологически поэзии Анатолия Можаровского — дневниковые записи, хотя здесь и нет прямого отображения текущих событий; автору удастся очень тонко и точно подмечать влияние этих событий, изменений в политической и экономической жизни на душу и настроение современного человека: тревога, неуверенность, безысходность, всеобщая озлобленность, загнанность, метания в поисках выхода — всё это присутствует в каждом стихотворении. Дневник предполагает максимальную степень открытости — зачем же врать самому себе? Анатолий Можаровский честен и откровенен, даже безжалостно требователен к себе, понимая, что без искреннего признания своей греховности, без искреннего раскаяния и сознательного неделания зла, нет исцеления души человека, поэтому

он сам несет
себя на эшафот.

Лицемерие нашего времени — внешняя, показушная религиозность: как грибы после дождя растут храмы, возводимые на “пожертвования” не кровно заработанных, а поистине “кровавых” денег: на об-

мане, откровенном разбое, заказных убийствах выросли наши “успешные” банкиры и бизнесмены, ныне так щедро жертвующие на храмы разных конфессий, умножая тем самым раздоры и в так уже далекой от братолюбия стране. Да и народ то в большинстве своём вспоминает о Боге в лучшем случае дважды в год: на Рождество и Пасху, привычно живя по собственным, удобным, законам, начисто отбросив Законы Божьи. Вот и имеем при обилии храмов и священнослужителей при них безбожное, духовно мертвое и вымирающее физически общество. Понятно, что все попытки “возродить и обустроить” страну заканчиваются очередным позорным фарсом. Вот Анатолий Можаровский с горькой иронией и предлагает:

Поэту б стать
законотворцем!
Все законы —
чисты, как ложки,
на обеде у царя,
все в них ясно,
на сегодня и вчера,
просто как
Скрижаль от Бога:
что нельзя,
а что возможно.
Но сегодня нас законят

потерявшие умы.
Мир законов —
время тьмы.

Наверняка, прислушайся мы к поэту, точно бы не построили государство, где политикам-разрушителям, доводящим народ до нищеты и низвергающим его в дикость, платят огромные зарплаты, щедро осыпают пожизненными льготами и благами, а людей творческих, созидających, самоотверженно работающих на будущее унижают до положения “бомжа”...

Анатолий Можаровский, хотя и пишет преимущественно на русском языке, поэт исконно украинский, и не только потому, что описывает реалии нынешней и прошлой Украины; в его поэзии улавливаются аллюзии, реминисценции классической украинской поэзии и народной песни. (Русский язык для него необходимый, более жесткий, инструмент высекаания искрящихся, обличающих инвектив. Посредством русского языка Анатолий Можаровский напрямую, без переводчика, обращается к читателям всего постсоветского пространства, ведь он говорит о бедах не только суть украинских: почти что во всех странах, появившихся на карте после рас-

пада СССР, власть захватили ничтожные и продажные политики, почти везде — разочарование в идеалах свободы и демократии, безысходность жизни, варваризация общества и человека...)

Украинский стих А.Можаровского спокоен, плавлен, с явными вкраплениями песенных мотивов, можно сказать он более экономен, но и более трагичен:

Дерев'яна цеберка —
вимита, чиста,
накладена м'ясом
посипаним сіллю.
Стоїть солонина
в темній коморі,
а мати
піч топить,
квола,
очі бляклі,
байдужі,
немов би сліпі...
Вогонь у печі,
закипає вода,
діти на ліжку...
Уже не біда,
буде що їсти,
всіх нагодуєм —
вчора зарізала доньку.

Ярко выраженная балладность присуща многим поэзиям Анатолия Можаровского. А еще они очень близки к ныне забытому

жанру городского романса. К сожалению, современная попса вытеснила эти трогательные, искренние, а часто и остро обличительные песни, исполняемые под тихий перебор гитарных струн.

Поэту Анатолию Можаровскому удалось создать поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в ледящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

В БЕЗУМНОМ МИРЕ, В СТРАНЕ БЕЗУМЦЕВ...

В американского писателя Амброза Бирса есть потрясающий рассказ “Чикамога”. Мальчик, сын плантатора-южанина, играя в войну, которую он видел на гравюрах в книгах отца, заблудился в лесу. Усталый, в слезах, улегся в ложбинке между двумя валунами и уснул. Пока он спал, произошла стычка армий южан и северян (действие происходит во времена Гражданской войны в США). Проснувшись, мальчик ищет путь домой. На опушке у реки он встретил множество раненных, ползущих к воде. Для мальчика это было всего лишь забавное зрелище. Он вспомнил как дома негры, чтобы позабавить его, ползали на четвереньках, и он катался на них верхом, играя в лошадки. Вот и теперь мальчик подкрался к одному из ползущих и вскочил ему на спину. Человек припал грудью к земле, а потом, собравшись с силами, яростно сбросил ребенка на землю. Мальчик увидел его обезображенное лицо, на котором не доставало нижней че-

люсти — отсутствие подбородка и горящие глаза придавали ему сходство с какой-то хищной птицей, грудь и горло которой были окрашены кровью растерзанной жертвы. Но вот впереди, за рекой, показался свет — зарево далекого пожара. Мальчик двинулся к нему. За ним упорно ползли к воде раненные. Вскоре ребенок приблизился к огромному костру — горело какое то здание. Зрелище радовало его, он пританцовывал, подражая пляшущим языкам пламени. Потом рассмотрелся вокруг, узнал собственный двор, увидел погибшую от разрыва снаряда мать. Из горла его один за другим вырвались бессвязные, непередаваемые звуки. Ребенок был глухонемой...

Я вспомнил этот рассказ, читая поэзию Анатолия Можаровского, поняв вдруг, что современное украинское общество воспринимает действительность как тот глухонемой мальчик из рассказа Бирса — вроде бы и видит все ужасы нынешней жизни, но не понимает, что происходит, продолжая беззаботно искать развлечений.

Поэзия Анатолия Можаровского на читателя, привыкшего воспринимать литературу как игру воображения и средство

от скуки, действует шокирующе, вызывает протест и непонимание, а часто и просто пугает мощью сконцентрированной правды. В каждом стихотворении Анатолия Можаровского факт реального бытия, свершающийся в хронологически определенном времени и пространстве, (на чем автор акцентирует особо, датируя каждое стихотворение), факт, неподвластный авторскому произволу и эстетизации, но проверенный на соответствие высшим Божьим Законам. Так в современной украинской да, пожалуй, и в мировой литературе никто не пишет. Это стиль библейских пророчеств и откровений, где правда высказывается на высшем регистре страданий, боли и любви, дабы вразумить и спасти заблудшие и погрязшие в грехах души человеческие. Отсюда, соответственно, и лексика (равное использование слов литературного языка, просторечья, иногда ненормативной лексики, создание неологизмов), и форма стиха, часто далекая от традиционной, классической. При этом поэт не возвышает себя над толпой грешников, наоборот, без устали повторяет, что и он — один из них; и не стеснясь рассказывает о своих прегрешениях и

проступках, слабостях и метаниях между высшими устремлениями души и телесными слабостями. Смятение, страх, опустошение и разочарования на жизненном пути он преодолевает искренней верой и стремлением жить по Божьим Законам. Это трудно, и не всегда получается.

Мы живем в страшное время. Мир, кажется, сошел с ума, пылая страстью к роскоши и удовлетворению самых низменных инстинктов, забыв о совести и морали, все сводится только к накоплению любой ценой и возможности купить все, что ни заблагорассудится. На человека, который пробует жить иначе, смотрят как на юродивого, презирают, называют неудачником. Как устоять, где взять силы жить не по лжи, а по правде? Кто и что отрезвит, вразумит, вылечит гибнущие в грехе души?

Ответы на эти вопросы и ищет, надрывая душу, поэт Анатолий Можаровский. Ищет с неистовостью библейских пророков, как и они, всего себя отдавая служению Богу, неся в чистоте Его Слово, говоря правду, часто, горькую, неприятную, но мы должны, если хотим сохранить себя для жизни вечной, безропотно принять ее.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА

Недавно в Украине случились два события, которые как нельзя ярче определили отношение современного общества к книге. Первое: парламентские слушания о проблемах украинского книгоиздания продемонстрировали полнейшее пренебрежение высшей законодательной властью этой важнейшей составляющей культуры — на слушания явились полтора десятка депутатов! Для остальных вопрос, понятное дело, не интересен — бабла тут не срубишь. Да и что им какие-то книги? Чтение никогда не было для них жизненной потребностью, даже и в школьные годы. Второе: вскоре после провальных парламентских слушаний в Киеве прошел довольно громко рекламируемый III Международный Фестиваль “Книжный Арсенал”, который подтвердил абсолютную невостребованность книги и среднестатистическим украинцем. На первый взгляд всё вроде-бы гладко и красиво: красочные стенды десятков украинских издательств, зарубежные гости, встречи с авторами,

презентации книг. Но мало кто из участников за десять дней фестиваля смог реализовать книг на сумму, которая бы перекрыла затраты на аренду места. Все разговоры о том, что, мол, фестиваль не ярмарок, а место деловых и творческих встреч литераторов и издателей, возможность заключить международные контракты на переводы — всего лишь иллюзия и успокоительный самообман: все наши редкие книжные ярмарки и фестивали не что иное, как единственная возможность издательствам продать свою продукцию — и только. Книжных магазинов в Украине практически нет, а те, что сохранились в больших городах, украинскую книгу берут весьма и весьма неохотно. Тысячный тираж любой, кроме, конечно, учебной книги, реализуется у нас десятилетиями... Но почему-то об этом не говорят открыто даже те, кто должен быть кровно заинтересован в функционировании полноценного книжного рынка, — профессиональные литераторы во главе со своим Союзом писателей. Вернее, наиболее бойкие из них, посеяв на гранты различных международных фондов, интенсивно продвигающих в Украину неолиберальные идеи и

эрзацы субкульты, взахлёб вещают о прелестьях рынка и своей якобы востребованности, покупаемости их гениальных опусов. О книгах, бывает, тоже говорят, но с такой знаете ли снисходительностью: книги, мол, хорошо, но на бумажных носителях они — вчерашний день; будущее за интернетом, электронной книгой; не надо паниковать и кручиниться, что всё меньше книг печатается и традиционные журналы литературные закрываются, всё нормально, прогресс не остановить. Мне вот всегда было интересно: неужели они, постоянно мотаясь по заграницам, не замечают на тамошних улицах потрясающего изобилия книжных магазинов и не обращают внимания на миллионные тиражи продаваемой там художественной литературы? И это при том, что количество компьютеров на душу населения, примером во Франции, намного больше чем в Украине, несравнимо доступнее и сеть интернета. Поневоле задумаешься: а кому это выгодно? О каком таком прогрессе тараторят наши уж больно “европеизированные” деятели от литературы, к месту и не к месту подчёркивая свою оппозиционность к властям? Да какая там оппозиционность!

Они верно служат нынешним власть имущим, (а многие не менее преданно служили и предыдущим), помогая превратить народ в дойных коров, в стада принявших человеческий облик овец, ибо всех малость думающих они считают опасными.

В своё время возникновение книгопечатания радикально изменило условия распространения культуры, породив читателя. Насаждаемые ныне технологии распространения культуры, вернее субкультуры, убивают читателя, возвращают человека в эпоху раннего средневековья, когда в большинстве своем неграмотные массы удовлетворяли свои культурные потребности балаганными зрелищами. То же и сегодня. Везде балаган. На экранах телевизоров, на страницах глянцевого журналов, на волнах FM станций, на митингах разношерстных партий, да собственно и в залах Верховной Рады и Кабинета Министров. И везде одни и те же лица: “успешные” политики, бизнесмены, футболисты, артисты, писатели; пиарят во всю себя, родных, бахвалятся дорогими костюмами, роскошными автомобилями и дачами, и время от времени разгоняют сумерки Европы многомиллионными кутежами по

тамошним ресторанам. А глядя на них и народ соблазняется прелестями “красивой жизни”, и, хотя внешне поругивает правительство, депутатов, банкиров и бизнесменов, в душе крепко завидует им и всячески старается подражать, исхитряясь доворовать недоворованное, влезает в непосильные кредиты дабы и себе щегольнуть перед соседом иномаркой или дачкой, отдыхом на престижных заграничных курортах; покупает за непомерные деньги образование (дипломы) детишкам, мечтая пристроить их на “тёплое” чиновничье местечко — кресло чиновника стало новым алтарём, мир сузился, сжался, чтобы поместиться в ладони, привыкшей отсчитывать не мелкую монету, а тугие пачки долларов. Понятно, что в этих координатах ценностей нет места книге, и весьма уместно говорить о её гибели и всячески способствовать тому, чтобы она окончательно исчезла как источник смуты и вольнодумия.

Похожая ситуация описана в фантастическом рассказе Клиффорда Саймака “Поколение, достигшее цели”: некий космический Корабль уже много веков летит в определенную точку Вселенной. Управление и жизнеобеспечение Корабля авто-

матическое, не требующее участия человека. Экипаж Корабля, несколько сот человек, живёт по раз и навсегда уложенным правилам, здесь все регламентировано, каждый выполняет свою, четко определенную функцию, готовится к этому с детства; определено даже кто на ком женится и когда может завести ребенка — только после смерти конкретного человека. На Корабле запрещены книги, запрещено обучаться грамоте; все необходимые знания люди получают из громковорителя, как и ежедневное задание. Все счастливы, недовольных и бунтарей нет. О книгах они знают только из преданий, мол, когда-то давным давно были книги, но их уничтожили, ибо они несли гибель. Но есть на Корабле семья, в которой отец, согласно родовому преданию, должен тайно обучить сына грамоте и перед смертью передать ему запечатанный конверт, который он или его сын, а то и правнук, должен будет открыть в Конце пути, о котором тоже смутно говорит предание, чтобы спасти обитателей Корабля. Главному герою суждено стать тем спасителем. Корабль достиг нужной точки, срабатывает автоматика и начинается заход на орбиту.

Вдруг всё меняется, ломается привычное течение жизни, на Корабле возникает паника, все обреченно ждут гибели. И спасение, оказывается, именно в книгах, спрятанных на Корабле; отыскать их помогает то заветное письмо. Книги дают знания, необходимые для успешной посадки Корабля и создания нового общества на вновь обретенной планете. Миссия выполнена. Книги вновь разрешены. Они помогают вывести людей из полуавтоматического состояния, даруя свободу думания, оценки, возвращая каждому индивидуальность и право выбора между добром и злом. Это пугает и не сразу принимается, люди отказываются покидать Корабль, начинается бунт, но и он был предусмотрен создателями Корабля — угрожая отравляющими газами Корабль изгоняет своих обитателей...

Нынешняя жизнь в Украине почти как на том Корабле из рассказа К.Саймака с той только разницей, что там обезличивание человека, превращение его в послушное орудие, в пресловутый винтик корабля-общества было рассчитано и запрограммировано с целью спасения человечества: переселение на другую планету занимало

слишком много времени — жизнь десятков поколений — и, учитывая трагический опыт земной истории войн и революций, подъемов и падений государств, у избранных для миссии переселенцев были отобраны книги, научное знание заменено мифами, приостановлено и законсервировано общественное и культурное развитие; это своеобразное толкование библейского сказания о выходе евреев из египетского рабства — чтобы выжить человек должен оставить не только грехи, но и добродетели, стать стерильным.

Мы тоже как бы выходим из рабства тотальной коммунистической идеи, — по времени уже половину библейского исхода в пути, — но почему-то не становимся лучше, да и наши Моиссеи, видать, не знают куда нас вести, ибо заняты в основном обустройством прихваченных по ходу поместий, а глядя на них и мы потихоньку поворачиваем, заражаемся алчностью и завистью, дичаем, забыв о Боге и неизбежности возмездия за растрату жизни. Охотно принимаем навязываемые нам либеральные идеи, не понимая, что это не что иное, как последовательные стадии разрушения человеческого сознания, утраты духовных

идеалов, постепенной деморализации, а так называемые законы свободного рынка, попирающие честный труд, угрожают существованию самой культуры. Но вот явился поэт, призванный отрезвить и взразумить нас, не желающий изображать дело так, что всё прекрасно, не желающий бежать от правды в какой-нибудь вымышленный мир. В каждой новой книге Анатолий Можаровский показывает ужас существования в нынешнем мире, где насилие, откровенный бандитизм стали обыденностью, а жизнь каждого человека опутана паутиной нечистых дедаческих интересов. Но мы не спешим прислушаться к его словам, прожолжая творить беззакония: понимая грех, — грешить, говоря о Боге, — с упоением служить сатане.

И что бы не говорили о смерти книги, а равно как и литературы — книга и литература, если они настоящие, могут многое. “Один день Ивана Денисовича” пошатнул, казалась бы, незыблемую громаду коммунистической системы, а “Архипелаг ГУЛАГ” окончательно свалил её.

Жестокая правда книг Анатолия Можаровского — мощнейший удар в основание нынешнего, не менее злобного и жестоко-

го монстра, ошетилившегося на мир с развалин своего предшественника — СССР. В поэзии Анатолия Можаровского отображены как в зеркале все мерзости нынешнего времени: массовые нарушения законности, всемогущество государственного аппарата, дичайший тоталитаризм, тусклая жизнь множества украинцев под властью неполноценного руководства, жутчайшее бесправие большинства людей.

Анатолий Можаровский пишет о взаимонепонимании, об абсурде бытия, о трагическом одиночестве человека. Его поэзия удивительно созвучна с творчеством великого итальянского кинорежиссера Федерико Феллини, который также глубоко разрабатывал эту тему: «Наша беда, несчастье современных людей — одиночество. Его корни очень глубоки, восходят к самым истокам бытия, и никакое опьянение общественными интересами, никакая политическая симфония не способны их с лёгкостью вырвать. Однако, по моему мнению, существует способ преодолеть это одиночество; он заключается в том, чтобы передать «послание» от одного изолированного в своем одиночестве человека к другому и таким образом осознать,

раскрыть глубокую связь между человеческим индивидуумом и другим”.

Поэтические послания Анатолия Можаровского выполняют свою духовную работу, вибрация боли, заложенной в них, бьет читателя, как штормовая волна берег, смывая мусор показных добродетелей, оголяя душу, изъязвленную грехами — потрясение сродни отчаянью! Так написать мог только человек сам переживший подобное состояние: человек — боль-человечества, ибо не осознав глубины мировой боли и отчаяния, нельзя постичь человека. Отчаяние, страдание, боль — неотъемлемые составляющие жизни. Боль, страдание, отчаяние — вот ступени развития духа. Нельзя быть гуманным, не страдая. Нельзя стать лучше, не осознав и не ужаснувшись мерзости человеческой. Нельзя понять жизнь, не пережив боли. Суть жизни — в страдании.

Анатолий Можаровский — мастер передачи всей гаммы движений души, ибо для него передать реальность — значит передать мир чувств и настроений, глубину переживаний человека, но при этом он, оставаясь глубоко верующим человеком впитавшим тысячелетний опыт христианской

культуры, даже описывая безысходность нынешнего бытия, никогда не позволяет себе и читателю отчаяться, ибо нет более страшного греха, чем отчаяние: отчаяться — значить возомнить, что ты оставлен Им тоже! Человек, подлинно глубоко заглянувший в самого себя, в итоге услышит глас Божий. Так высшая поэтическая мудрость ведет к религиозному миропостижению, к идее мирового порядка, связанной с представлением о Божественном начале, о жизни за Божьими Заповедями. Многие ли наши современники имеют право называться христианами?

Чтобы точно и ёмко передать дух современного мира в котором люди живут, растрачивая себя в мелких делишках, ничтожных заботах, показать трагедию поколения, сложившегося на разломе эпох, лишённого социальных и нравственных ориентиров, Анатолий Можаровский создал свой стиль, свою форму стиха, ритм и диссонансы, которые многих ошеломляют “непоэтичностью”, но именно эта, разработанная им стихотворная техника позволяет ему исследовать и сделать ощутимым для всех глубоко затаенный душевный надлом людей нашего сегодняшнего без-

временья, для которых больше не существует никаких иллюзий, да собственно и надежды хотя бы на что либо — лучшую жизнь, какую-никакую работу, любовь и понимание близких. Намеренно уходя от традиционных форм стихосложения, Анатолий Можаровский хочет подчеркнуть, что настоящая поэзия не создается в формах двадцатилетней давности: если поэт пишет в старой манере, он черпает из устаревшей жизни. Жизнь меняется. Меняется форма и содержание поэзии. Новая поэзия должна быть полностью лишена сентиментальничанья и манерничанья старой, должна отбросить риторическое пустозвонство и показное бунтарство. Она должна быть сильна правдой, отличаться энергией мысли, да и язык должен сменить на более строгий и точный: отбросить красоты, притупляющие остроту душевного потрясения. В своё время такую цель преследовал и Томас Стернз Элиот: “Это то самое, к чему я так долго стремился: творить поэзию, которая была бы поэтична по существу своему, без всякой внешней поэтичности, поэзию, обнажённую до костей, настолько прозрачную, чтобы при чтении мы обращали внимание не на самые

стихи, а лишь на то, на что они указывают. Стать выше поэзии, как Бетховен в своих поздних произведениях стремился стать выше музыки.”

...Если политики не способны сказать правду, ее говорят поэты. Анатолий Можаровский сумел сказать правду о своей эпохе, не думая о славе, успехе и почестях. Он понимает, что сегодняшняя популярность чаще всего — нехудожественность, и что для настоящего художника, как говорил О.Уальд, публики не существует. Он не сетует, что книги его издаются мизерными тиражами да еще при нынешнем всеобщем нечтении и неуважении к книге. И в этом, наверное, тоже подарок судьбы, а скорее всего — Божье предвидение, милость — отвести от него соблазн испытания славой и популярностью: скольких уже погубила мирская слава... Вообще же это вечная проблема — как уберечь свой Богом данный талант от влияний, от славы, от жажды наживы, от жизни в витрине и под постоянным прицелом тысяч глаз и объективов. Для творчества необходимы внутренняя тишина, уединение — только они способствуют вынашиванию идей и их последующей записи, работе фантазии и

воображения, без которых невозможно оставаться поэтом. О популярности, страсти к многописанию и печатанию много размышлял и писал в “Дневнике” Лев Толстой, говоря, что это “...есть бедствие. Чтобы избавиться его, надо установить обычай, чтобы позорно было печататься при жизни — только после смерти. Сколько бы осадку село и какая бы пошла чистая вода”.

СОЗИДАЯ КРУПИЦАМИ СИЛУ

Читая Анатолия Можаровского, нет-нет да и вспомнишь события вот уж тридцатилетней давности: торопливо, один за другим, ушли в мир иной старые, да и годами дряхлые, партийные и государственные (как было принято говорить тогда) деятели; Советский Союз возглавил новый, непривычно бойкий и говорливый лидер, который не прятался за крепостными стенами Кремля, а неутомимо мотался по стране, выступал перед огромными аудиториями без бумажки, (что было в диковинку!), охотно встрявал в дискуссии, азартно спорил. В обиход вошли свежие политические термины: “перестройка”, “гласность”, “новое мышление”, “социализм с человеческим лицом”. Немножко пошатнула всеобщее обожание антиалкогольная кампания, которую по привычке проводили с неистовым рвением и перегибами. Приоткрылись спецхраны архивов, началась массовая реабилитация вчерашних “врагов народа” — литераторов, ученых, общественных и государственных де-

ятелей. Был легально издан “Архипелаг ГУЛАГ” А.Солженицына, другие его произведения. Неимоверно возросли тиражи литературных журналов, которые наперегонки публиковали запрещенных ранее писателей, осмелели и современные публицисты — острые, полемические статьи появлялись в каждой газете. Наконец-то открыто заговорили о массовых репрессиях и голодоморе. Первые глотки свободы пьянили, кружили голову надеждами на свободу ещё более полную — уже и в сфере экономики. Слыханное ли дело! — сам генсек рьяно критикует плановую экономику, говорит о самостоятельности предприятий. Появились первые производственные кооперативы и малые предприятия, народ бросился “челночить” — тащил на рынки Польши водку, утюги и другие мелочи и любовно грел в руках вожделённые доллары...

А тем временем как бы ниоткуда появились и полезли наверх нахалы, выбивая себе языком и нахрапистостью депутатские мандаты и должности. Они так много и упоённо говорили о свободе, реформах и своей любви к ним, что их речи напоминали сладкие речи купцов, желающих про-

дать залежалый товар возможно выгоднее. Страна потонула в разговорах о реформах и в мелком политиканстве. Прилавки магазинов пустели, заводы останавливались, зарплаты задерживались. Всё шло к развалу и краху...

Запад ликовал, видя как шатается и рушится бесславно главный идеологический и экономический соперник, заставлявший его своими непредсказуемыми действиями, а иногда и прямой агрессией, содрогаться от ужаса и лихорадочно работать мозгами, постоянно усовершенствуя производство, развивая науку и новейшие технологии, чтобы не оказаться слабее. Хочешь не хочешь, но само существование СССР было необходимо для западного мира как постоянный раздражитель и стимул к усовершенствованию.

Но вот Советский Союз пал. Осталось постсоветское пространство. Здесь, и на территориях его сфер влияния в Восточной Европе, появились десятки новых независимых стран со своими амбициями и давними обидами. То тут то там вспыхивали межнациональные и религиозные конфликты и войны, в языке политиков и простых людей стало привычным понятие

“горячая точка”. В бессмысленной войне гибли десятки тысяч людей, рушились города, сжигались деревни, жертвами терактов становились невинные люди и за тысячи километров от очагов конфликтов... Об этом, видимом всему миру кошмаре, много говорили и писали, снимали документальные и художественные фильмы, но самый страшный кошмар остался вне кадра — ад тонущей в грехах и соблазнах души человеческой, всеобщее озверение, неверие в добро, уныние, тоска, безразличие к ближнему и собственной судьбе... Именно это, по-видимому, и имел в виду Адам Михник, сказавший когда-то: “Страшен не коммунизм, а то, что придёт после”.

Об этом “после” и человеке в нём и пишет постоянно Анатолий Можаровский. Пишет искренне, откровенно, с глубокой болью, сочувствием и пониманием. Эпический размах его таланта, истовое творческое напряжение помогают создавать не просто поэзии, но некий единый глобальный текст идентичный самой целокупной реальности. Ему удалось добраться до глубин изображаемого бытия, обнаружить праначало, лежащее в основе чувственной, интеллектуальной, нравственной трагедии

современного человека, который ощущает мир как хаос. Он ищет путь к его спасению, понимая это как главную, высшую, задачу литературы. Он ищет знания, а не объяснений, знания, которое он мог бы использовать для изучения нашего изменчивого мира, особенно изменчивого общества, политических перемен и их причудливых исторических законов. Он ищет общественные механизмы, которые могут остановить разрушительные общественные перемены и создать некую идеальную модель государства, которое будет неспособно к деградации и разрушению. По теории “форм” или “идей” Платона каждая обычная или деградирующая вещь имеет совершенного двойника, который не деградирует и не разрушается. Таковым совершенным и неизменным соответствием всем законам Анатолий Можаровский видит Божьи Заповеди.

Общая традиция христианства сформировала Европу в её нынешнем виде: культура каждой страны неповторима, и, в то же время, различные культуры взаимосвязаны теми общими элементами культуры, которые принесло с собой христианство. Мы можем придерживаться различных по-

литических взглядов, но наша взаимная обязанность — сохранить нашу общую культуру неиспорченной политическими влияниями. В мире, обезумевшем от жажды накопительства и греховных наслаждений, мы должны спасти то общее духовное достояние, хранителями которого являемся.

Анатолий Можаровский первым увидел и назвал зло, которое уже уничтожило культуру на постсоветском пространстве и пустило метастазы в культуру европейскую: всеобщее одичание и варваризация населения, которое, получив политическую свободу, поняло её как анархию и безнаказанность, моментально потеряв все моральные ориентиры жадно бросилось в объятия золотого тельца, безоглядно воюя, обманывая, не останавливаясь перед прямым разбоем и убийством.

Под обнадеживающие речи о демократии власть захватила олигархия, которая цинично и открыто начала грабить страну и народ: ловко приватизировались мощнейшие заводы и фабрики и тут же объявлялись банкротами, рабочих выгоняли на улицы, а современное, дорогостоящее оборудование сдавалось в металлолом, с наименьшим рвением разоряли колхозы и со-

вхозы — их просто смели с лица земли... Даже оккупанты не вытворяют такого на завоеванной вражеской территории.

А что же народ? Видя отравляющие душу безобразия, видя как безграничны пределы власти авантюристов, которые правят им, поругивая заглазно вождей, естественно и неизбежно он и сам заразился всеми пагубными свойствами, навыками и приёмами, да и себе поворачивает потихоньку. Идеалом и целью жизни стали деньги — много денег, и, желательно, не в гривнах, а в долларах и евро — сулящие все мыслимые и немыслимые наслаждения: изысканные кушанья, роскошные квартиры, дома и дачи, дорогие автомобили — у нас даже дворник мечтает о “майбахе”!

Но: “Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощало человека, а излишества и обычная низость этого благополучия вызывали во мне ненависть”. Иван Бунин.

И: “Главное заблуждение жизни людей то, что каждому отдельно кажется, что руководитель его жизни есть стремление к наслаждениям и отвращение от страданий. И человек один, без руководства, отдаёт-

ся этому руководителю, — он ищет наслаждений и избегает страданий и в этом полагает цель и смысл жизни. Но человек никогда не может жить наслаждаясь, и не может избежать страданий. Стало быть, не в этом цель жизни. А если бы была, то что за нелепость: цель — наслаждения, и их нет и не может быть. А если они и были, — конец жизни, смерть, всегда сопряженная с страданием. Если бы моряк решил, что цель его — миновать подёмы волн, — куды бы он заехал? Цель жизни вне наслаждений и страданий. Она достигается, проходя через них.” Лев Толстой.

Прав Джеймс Джойс: “История повторяется, меняются только имена”.

А что сегодняшняя Украина? Страна, отличающаяся тем, где ничего не производится, но ежегодно появляются десятки миллионеров, и где любое, самое благородное начинание необъяснимо превращается во зло и несчастье, (конечно, кто ничего не делает — не ошибается, но у нас, что ни сделают — ошибаются). Страна, где бандиты возглавляют партийные списки и депутатствуют в парламенте, вершат правосудие, улыбаются с экранов телевизоров, обложек глянцевого журналов и бигбордов на

каждой улице: они присосались с цепкостью медицинских банок везде, где можно урвать хотя бы малую толику денег. Все наши политики за все прошедшие годы независимости являют собою печальное, часто трагикомическое зрелище существ, пришедших в люди, как бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого самые чистые, самые сокровенные чаяния народа, осмеять, спародировать и убить его веру, похоронить надежду, изнасиловать любовь. Сказать, что у нас не было выбора? Да нет. Выбор был. Но мы почему-то всегда выбирали худшего из худших, не замечая и не слыша людей умных и достойных. Ну, разве не о нас: "...горе народу, не доверившемуся в трудный час людям честным, благородным и мудрым, ибо не будет успеха там, где недостойные ловко направляют события, от коих зависит процветание общества. Большая часть несчастий, обессиливших и погубивших некогда процветавшие государства, произошла от пренебрежения к великим умам, порожденным великими событиями."

Это Фенимор Купер.

Девятнадцатый век...

...Когда-то Ленин, подутративший ныне авторитет и актуальность, назвал Льва Толстого “зеркалом русской революции”. (Да простят мне вольность почитатели вождя мирового пролетариата!) — воспользуюсь его формулой: творчество Анатолия Можаровского — зеркало украинской независимости. В самом деле: книги Анатолия Можаровского дают воистину толстовскую по размаху и всеохватности картину жизни современной Украины. Внимательный глаз художника замечает мельчайшие детали бытия, трагедии и комедии повседневной жизни, тончайшие нюансы душевных переживаний; поражает его способность добраться до глубин изображаемого бытия, умение передать момент слияния эмоции и стоящей за ней реальности. Имея аналитический склад ума, он обладает и тонким чувством юмора: чего стоят шуточные мини-поэмы, в которых мировые, и поменьше, президенты и премьеры: Обама, Берлускони, Путин, Назарбаев, Лукашенко, да и наш гарант, надоедают лирическому герою просьбами о помощи и требуют советов для решения мелких семейных неурядиц и глобальных проблем мировой политики. Все шутки

Анатолия Можаровского шуткосерьёзны, как говорил в таких случаях Джойс, они всегда со смыслом, и порой немалым. В некоторых поэзиях он мастерски использует комическое смешение языков — русского и украинского, заставляя по-новому взглянуть на проблему “второго государственного” — разобщение народов, их упадок и смешение языков уподоблены, поставлены в связь еще библейской мифологией Вавилонской башни. В поэзии Анатолия Можаровского много Библейский аллюзий, образов, прямых и не прямых цитат. Использование христианской символики, проведение постоянной параллели между современностью и событиями Библейской истории помогает поэту понять то громадное зрелище тщеты и разброда, которое представляет собой современная история. Среди океана страданий художник не теряет веру в благие начала, а по крупницам собирает духовную силу на борьбу с космической силой зла и хаоса.

“МЫ НОВЫХ ЖДЁМ ЛЮДЕЙ...”

*Вам нужно идти по пути,
где не встретишь восторга.
...Вам нужно идти по пути
отречения.
Чтобы стать не тем, кем вы
были.*

Томас Стернз Элиот.

Согласно христианской доктрине человек живет и во времени, и вне времени. В реалиях современной Украины — настоящее — самое страшное и мучительное время, ибо люди живут, растрчивая себя в мелких делишках, в ничтожных заботах среди отравляющих душу безобразий, видя как безграничны пределы власти авантюристов и бандитов, и естественно и неизбежно сами заражаются всеми пагубными свойствами, всеми навыками и приемами власти, презирующей их и издевающейся над ними. Отчаяние, безысходность, унылая всепоглощающая тоска разъедают души большинства людей. Не живя полноценно, а суть жизни — это всегда настоящее, человек тем самым унижает и пачка-

ет самую возвышенную и наименее озязаемую часть Творения — Время.

Анатолию Можаровскому, исходя из концентрированного личного опыта, удалось, сохраняя специфические черты этого опыта, создать общий символ времени, сказать своей эпохе о тех язвах и ужасах, которые тайно и явно разъедают её, показать сколь многое в современной жизни — просто смерть.

Поэзия — суверенная область художественного творчества, в которой всплескам эмоций, экстазам самоупоения или проповедям поэт обязан противопоставить новые перспективы видения мира, выявить его глубинные измерения. Главная концепция поэзии — новое видение мира. Чистая поэзия неосуществима, ибо поэзия — противовес самообману, подмене жизни. Каждый истинный художник — не просто новый мир, новое видение мира, но и трансформация мира вне его. Самобытность — свойство творца создавать мир заново: после него внешний мир предстанет перед нами иным, мы обнаруживаем в нём много такого, о чем не догадывались раньше.

Поэтический мир, созданный Анатоли-

ем Можаровским огромен и всеобъемлющ. Это своеобразная поэтическая энциклопедия жизни и нравов не только современной Украины, но и всего постсоветского пространства. Здесь много мрачного, шокирующего. Читатель, привыкший упиваться в поэзии музыкой стиха, его сладкозвучием, песенностью, напевностью, услышит здесь иную музыку — диссонансы и лязги самой жизни, и, возможно, с возмущением отбросит книгу: разве это поэзия?! Здесь нарушены все традиции! Но традиция — это красота, которую мы храним, а не путы, которые нас связывают, а искусство — всегда нарушение, потому что оно есть свобода говорить правду.

“...говорить правду, — это искусство труднейшее из всех искусств, ибо в своём “чистом” виде, не связанная с интересами личностей, групп, классов, наций, — правда почти совершенно неудобна для пользования обывателя и неприемлива для него. Таково проклятое свойство “чистой” правды, но в то же время это самая лучшая и самая необходимая для нас правда”*. Эта

---

* Максим Горький. Несвоевременные мысли. — М., 1990. — С.84.

“несвоевременная “ мысль Максима Горького куда как своевременна для нашей современной литературы, которая всячески избегает говорить правду о дне нынешнем. Большинство издаваемых сегодня произведений, позиционируемых как наиболее популярные у читателей, обращены в прошлое, а значит выходят, выпадают из времени, другие же, так называемая “массовая” литература, возбуждают темные инстинкты, которые и без того буйствуют на почве экономической разрухи и социального разложения.

Анатолий Можаровский — поэт глубокой христианской традиции, для которого идея порядка тесно связана с представлением о Божественном начале. Отсюда и его идеал государства: “Богократия — ...правление небес по Слову” и конституция — Божьи Заповеди.

Его творчество — моральная и религиозная оппозиция духу времени. Он закипает гневом, видя как страдают безгрешные, а злодеям — всё нипочём. Его гнев — это огонь кузнечного горна: жар претворяет ком железа — его дух — в обоюдоострый меч, который есть его вера, его оружие для борьбы с беспощадными силами

противостоящими человеку. Он видит своё предназначение поэта не в образе свободного художника, а дисциплинированного и ответственного мастера, зависящего не от потреб плебса, а от долга перед Богом. Он не ищет путей к славе, избегает мирских соблазнов, не прячет глаз от повсеместной несправедливости:

перст мой пишет
снова и снова кровью
по стене
о горе.

Анатолий Можаровский не устает говорить: постсоветский мир в руках бандитов, он безумен, он смертельно болен и опасен. Утратив любовь и милосердие, отвернувшись от Бога, собственно, это уже и не мир, а антимир, владения Антихриста. И самое страшное — он воцарился здесь без малейших усилий, без борьбы, встретили его с распростёртыми объятиями, хлебом-солью. Современный постсоветский человек заражен алчностью и завистью, лишен моральных ограничителей, политически и социально развращённый становится серьёзной угрозой остальному миру. Благополучные Америка и Европа, отплясав

на поминках СССР, получили врага куда серьёзнее, чем бывший коммунистический монстр. Принимая в свои банки миллионы сколоченные откровенным грабежом и разбоем, давая приют ордам разношерстного чиновничье-бандитского отребья, позволяя им скупать дома и замки, они запустили к себе Троянского коня с прожжёнными мародерами и растлителями, которые взорвут их законопослушный мир изнутри:

А, может, когда-то
кто-то там замуж
или женится
в королевский замок,
годы пройдут, пролетят,
растворятся,
и вдруг — король!
Русский!
О, братцы!
Гульнём по Британии,
вспомним
русские шалости!
И, вёдрами, водка!
Русские привыкли удивлять мир всегда.

...В старинных хрониках народ исчислялся по количеству душ, а не голов. Современному человеку это кажется странным, нелепым, но тогда человек больше думал о Боге, о грядущей (вечной) жизни

и куда меньше был озабочен земными делами. Болезнь эпохи, как видит ее поэт Анатолий Можаровский, — в неспособности принять на веру представления о Боге, мире и человеке, которыми жили наши предки, в неспособности испытывать к Богу и человеку такие чувства, которые испытывали они:

Поклоняемся мы силе
черной, злой и неумной.
А нам бы Бога,
да с любовью.

Меркантилизм политических партий и самого народа, приоритет выгоды или интереса, неуправляемые эмоции и вожделения — вот что оскотинивает жизнь. Поэтому и считают нас поголовно...

Торгашество, продажность, презрение, откровенно демонстрируемое властями к человеку-труженнику повсеместны в Украине. Пылкие споры о демократии и независимости закончились неприкрытой тиранией денег, которая развратила всех — богатых и бедных: гражданин правильно организованного общества может презирать власть, но чтит закон; подданный насквозь коррумпированного госу-

дарства страшится власти, но презирует закон и стремится где только можно обойти его, рабски следуя в этом за своими повелителями.

Внимательный взгляд художника замечает не только мельчайшие детали изменений в общественной жизни, но и тончайшие нюансы обыденной речи — живой язык ведь тоже чутко реагирует на эти изменения, отображая психологию говорящего. Язык помогает срывать маски. Все высказывания так называемых политиков сводятся к подобающей случаю не утруждающей ума расстановке десятка однажды отвердевших слов, давно уже употребляемых вне прямого их смысла. Да даже из заученных фраз подсознательно прорывается привычная лексика, своеобразное построение фраз, присущее определенным, ранее замкнутым, языковым группам (уголовного мира, например). Когда респектабельный чиновник или народный депутат бойко говорит о своей “активной работе на районе, на округе”, понимаешь, какую социальную группу он представляет во власти. Анатолий Можаровский умело использует этот речевой оборот, мгновенно вводя читателя в нужную атмосфе-

ру: *“Коммунизм похоронили // на стране...”, “Турнир особый по футболу // состоялся на стране...”* Это, вроде бы, смешно, но, на самом деле, — страшно: живём-то “на зоне...” Анатолий Можаровский досконально овладел искусством извлекать из слова, сжимая и спрессовывая его в различных контекстах, смысл, который мы в нём даже и не подозревали. Вообще для его стиля характерно стремление к смещениям смысловых и эмоциональных планов, к снижению привычных поэтических аксесуаров, к сближению языка поэзии с языком улицы.

В поэзии Анатолия Можаровского много интерпретаций категории “время”: время жизни отдельного человека, историческое время, время становления, развития и упадка стран, цивилизаций... Годы, столетия, эпохи... Время, его течение в формах причинности и последовательности. Но все это — лишь мгновения. За историчностью, изменчивостью поверхности жизни скрывается вечный и вневременный мир.

Суть жизни — это всегда настоящее, обращение же в прошлое — это уже суть ее конца, а в будущее — ее начала. Умереть —

это значит утратить время и выйти из времени, но это значит обрести взамен вечность или ничто. Каждому — по вере его.

Анатолий Можаровский, как и каждый истинный художник, создает портрет своего времени, фиксируя истинное бытие вещей, это неподвижное “теперь”. Но он предвидит и деятельное, созидательное время, вынашивающее перемены:

Мы новых ждём людей.
Восстанут и пойдут
в духовной силе.

ПОРВАТЬ ЦЕПЬ ПОСТСОВЕТЧИНЫ

О будущем не говорят, будущее делают.

Будущее — это тщательно обезвреженное настоящее.

А. и Б. Стругацкие.
Хромая судьба.

Поток современной жизни проносится мимо, мы не успеваем за ним, мы — жертва этого темпа, движение тащит нас за собой. Мы не успеваем включиться, понять, разобраться, вмешаться, освоить и оценить события, мы едва успеваем запечатлеть сиюминутные впечатления, надобности, заботы, тревоги, страхи, которые тут же стираются новыми. Их мы не усваиваем, не храним, не накапливаем впечатления, не получаем опыта, не можем ими владеть, а лишь отражаем их смену как туманное зеркало. Отсюда — тоскливое чувство потери, невозвратимости мгновения, хаотическая разорванность жизни, в которой утрачена связь: прошедшее — настоящее — будущее...

Это смятение, эти тревоги очень точно и тонко улавливает и трансформирует в яркие поэтические образы Анатолий Можаровский. Его поэзия — выход из времени в вечность, в новое измерение бытия, где главное не грубое и ложное восприятие материального мира, а то что творится у нас в душе. Как поэт и мыслитель, сформировавшийся на философии христианства, Анатолий Можаровский видит трагедию современного человека в его сознательном служении дьяволам алчности и накопительства. Сделка с дьяволом в современном мире — повсеместна. Трудно найти человека, который был бы вне этой сделки. Бес попутал и опутал всех. Выстроена система, в которой невозможно шаг ступить не согрешив: вокруг идёт вибрация греха, и каждый член общества, не желающий выпасть из человеческой связи, вынужден быть вместе с другими, охваченными вибрацией греха, и, естественно, совершает грех. Но одно дело — совершать грех, а другое дело — подводить под него идейные основания, то есть продукт недостойного мышления. А что значит — достойно мыслить? Не порождать в своих мыслях самоутешительных ложных

состояний. В мировом философском опыте это символически обозначено как сделка с дьяволом. Подведение идеи под грех и есть продажа души дьяволу.

Постсоветское пространство, возникшее на территориях распавшегося СССР, заковано в цепи греха. Это, можно сказать, наиболее крупная и удачная за всю историю сделка дьявола с человечеством. Даже ужасающие преступления коммунизма — результаты предыдущей сделки — меркнут в сравнении с ужасами нынешней греховной жизни, которые прикрываются и оправдываются новыми идеями: либерализма, свободного рынка, общества потребления и т.д. Грех вновь совершается, и мало того, что под него подводятся идейные основания, из опыта греха ничего нельзя извлечь, ничему нельзя научиться, и следовательно, в будущем все это снова будет повторяться.

Поэт Анатолий Можаровский ищет этическую ответственность каждого человека за другого, ответственность за каждое унижение и оскорбление в мире. Его этика — это свобода, самоиспытание, индивидуальный путь, постоянное сомнение в правильности выбора, искренняя вера и

непрекращающийся поиск Бога, понимание внутренней порочности, собственной греховности. Его поэзия предельно откровенна, искренна как исповедь кающегося человека. Иногда это шокирует, вызывает внутренний протест читателя, который ожидает от поэзии лёгкости, отдохновения, словесной игры. Поэзия Анатолия Можаровского требует соавторства вдумчивого читателя, чтобы быть понятой — это доведённая почти до совершенства метафора современной жизни как усилия во времени со всеми, казалось бы, несущественными деталями, как, например, одинокий ворон в снежном вихре или туман над домом его детства, ибо для художника они равно достойная возможность проявить точность, благодаря которой эти детали обретают силу художественного образа, обретают вечность. Вообще для поэзии Анатолия Можаровского характерна точная привязка к событиям, месту и времени, она сродни скрупулёзным дневниковым записям, в которых много личного. Авторское “я” как автономная, самостоятельная инстанция со своим видением мира максимально свободно от любого зашоривания, само-

идеализации и позволяет художнику сознавать и признавать бесконечную сложность путей человеческого духа. “Искусство живо лишь до той поры, — писал в своё время Эзра Паунд, — покуда занято истолкованием реальности, то есть, покуда оно выражает что-то, задевшее художника намного сильнее и глубже, чем его аудиторию. Он подобен зрячему среди слепцов, которые готовы внимать ему лишь до тех пор, пока его слова подтверждаются его чувствами или кажутся им истиной. Если же он отвергает высокую честь быть истолкователем, если он говорит только ради того, чтобы наслаждаться звуками собственного голоса, аудитория какое-то время будет вслушиваться в эту невнятицу, в шелестение разукрашенных слов, но весьма скоро поднимется ропот, легкое брожение в рядах присутствующих — и вот перед нами столь знакомое положение вещей, предосудительнейший разрыв между искусством и жизнью”. Анатолий Можаровский обладает особой восприимчивостью к социальным и политическим процессам в современной Украине и на постсоветском пространстве, и, собственно, в мире. Говоря о них, он проявляет интел-

лектуальную тонкость и проницательность, делает то, что приносит пользу, высказывает то, что требует мужества, видит то, что прекрасно. Этим он и интересен как поэт.

Удивительно, но многие нынешние события Анатолий Можаровский предвидел.

Задолго до революции Достоинства, в которую перерос Евромайдан, он писал о назревающем в народе взрыве, провоцируемом тиранией зажавшейся власти, писал о необходимости менять систему управления государством и о люстрации чиновничьей рати, доставалось от него и оппозиционным лидерам, и продажным судьям, и бандитам-ментам. Его диагнозы болезней современного украинского общества всегда точны, он не говорит обидными, не старается приукрашивать правду. Порой его стихи напоминают страстные речи библейских пророков, которые зывали к народам потерявшим страх Божий и погрязшим во грехах.

Когда-то Марсель Пруст высказал мысль, что наше прошлое отбрасывает от себя тень, которую мы называем будущим. Еще раньше Марат, один из руководителей французской революции 1789 года, заяв-

лял: “Революции наполовину не бывает: она либо охватывает и меняет сразу все сферы, либо срывается. Все революции, память о которых хранит история, а также попытки революций в наше время потерпели крах потому, что революционеры лишь вписывали старые традиции в новые законы и во главе новой власти ставили старых руководителей”.

Мы построили своё государство в тени прошлого — бывшего СССР, отдав власть компартийным номенклатурщикам, не запретив преступную компартию, а они, почувствовав безнаказанность, быстро сбились в стаю с отъявленными преступниками и принялись откровенно грабить народ, одурманивая его идейками о независимости и свободном рынке. Новая сделка с дьяволом успешно заработала.

Анатолий Можаровский пытается открыть нам глаза на правду, призывает окончательно порвать цепи постсоветчины, которыми мы намертво прикованы к прошлому, и наконец-то построить будущее, которое не станет копией прошлого.

ПОСТИЧЬ ЧЕЛОВЕКА...

Случайно услышал по радио результаты социологического опроса. Оказывается, 91% украинцев серьезно задумывались о выезде из страны. Какой еще приговор нужен нынешней власти, которая, очевидно, если учесть ораву чиновников всех уровней, и составляет те остальные 9%, никогда не ставивших вопрос об эмиграции?! Вот уж дореформировались и допобеждались над руиной и “попередниками”! Вот уж достали! Все трудоспособное население страны готово свалить куда подальше, лишь бы не видеть тупых и наглых рож нынешних “хозяев жизни”, не слышать лживых обещаний правящих и оппозиционных партий, десятилетиями одинаково преуспевающих в грабеже страны и ближнего!

Кричать: когда же они, в конце-концов, нажрут? — не стоит. Вопрос чисто риторический, да и ответ на него получен давно: “Теперь только малая часть, часть людей, имеющая власть, пользуется благами цивилизации, а большая лишена этих

благ. Увеличить блага, и тогда всем достанет. Но дело в том, что люди, имеющие власть, уже давно пользуются не тем, что им нужно, а тем, что им не нужно, всем, чем могут. И потому как бы не увеличились блага, те, которые стоят наверху, употребляют их все для себя. Употребить нужного нельзя больше известного количества, но для роскоши нет пределов". (Лев Толстой. Дневники.//Собрание сочинений в 22-х томах. Т.21. С.434).

Возможно, лет эдак через пятьдесят-сто, будущие историки, стараясь разобраться, что же на самом деле происходило в современной нам Украине, найдут ответы в книгах Анатолия Можаровского. Ведь именно ему, единственному на сегодня литератору, удалось воссоздать художественно достоверный портрет нашего многоликого, стремительно меняющегося времени; воссоздать в мельчайших деталях, оттенках и перепадах общественных настроений и личных переживаний отдельных людей. Его книги — громадное эпическое полотно, на котором каждый из ныне живущих в Украине найдет и легко узнает себя. Не всем это узнавание будет приятным: запечатленный поэтом образ высве-

тит и то, что человек тщательно скрывал от самого себя, приспособливаясь к общественной мимикрии. Ведь правда: откровенные злодеи в глаза не бросаются — везде вполне приличные, даже обаятельные, люди, часто подчеркнуто религиозны и благодетельны. Но часто за приличной внешностью и манерами скрывается прожжённый слуга дьявола, презирующий всех и вся, обуреваемый самими низкими страстями, осознано попирающий Божественные Заповеди, мелкий пакостник, стяжатель и вор.

Анатолий Можаровский — поэт, развенчавший общественное лицемерие, одним из первых обнаруживший общественный распад и жестоко его выстрадавший. Как человек христианской культуры, впитавшей тысячелетний моральный опыт служения Божественной Любви, он видит ужасающие, апокалиптические, последствия безумствующего в смертных грехах мира. И когда записные патриоты упрекают его в том, что он, украинец, пишет на русском языке, они не понимают, что он стучится в сердца не народов, не классов, не наций, а в сердце каждого человека, требуя быть верным божественному призванию, чутко

ощущать миссию, вложенную в человека Отцом Небесным. Его поэзия отнюдь не воспитание нации, а желание пробудить каждого человека, помочь ему в обретении истинной свободы, которую он получает от Бога, даровавшего ему право выбора между добром и злом. И самые жестокие битвы происходят не на полях сражений, а в душе человека: битвы двух противоположных начал — добра и зла. Зло многолико и соблазнительно, умеющее молниеносно воспользоваться даже мимолетной слабостью или телесным недомоганием, и навечно пленить душу человека. Поэзия Анатолия Можаровского для людей, которые среди скорбей земных, как в осажденной крепости, продолжают неравный бой с живущими в них грехами, звучит набатом и благой вестью: Бог не покинул вас!

В поэзии Анатолия Можаровского мы чувствуем нестигаемость воина и слышим негодующий голос пророка, взыскующий правды и подлинного, непритворного, гуманизма. Он не принимает эту действительность, это общество, эту страну, этих людей, смилившихся с грехом и сознательно грешащих. Он бросает им в лицо гнев-

ные инвективы, не выбирая слов и выражений. Говорит горькую, ужасную, правду. Он уверен: только народ, знающий горькую правду о себе, способен одолеть собственное зло — это как пощечина пьяному, чтобы привести его в чувство.

В этом творчество Анатолия Можаровского ближе к культуре западной, чем к традиционно украинской и русской, вообще восточной. В культуре Запада преобладало саморазоблачение, саморазвенчание, самобичевание человека, в культуре Востока самовозвышение, народоугодничество, народопоклонство. «Шекспир, Свифт, Гёте, Бодлер, Ибсен, Джойс, Кафка — никогда не “пасли народы”, чувствуя опасность возвеличивания человека, заигрывания с непредсказуемой массой, разжигания ее разрушительных стадных инстинктов. Все они своим творчеством скорее шокировали собственные народы, чем пели им осанну, эпатировали,ставляли напоказ и яростно разобличали пороки народа, нации, собственной страны, человека как такового. Бичуя народ, разоблачая человека-массу, западные художники — от Шекспира до Беккета — прививали иммунитет к раковым опухолям бого-

избранности, богоносности, всемирности. Говоря человеку правду о нем, развенчивая антропоцентризм, демонстрируя борьбу Бога и дьявола в душах людей, западная культура диагностировала общественную чуму мессианства, национального чванства, лечила патриотизм и богоборчество самоосмеянием, самоослеплением и самовоспеванием — самоиронией и сфифтовской сатирой».*

Поэзия Анатолия Можаровского разрушает манию величия украинцев и миф о якобы присущему им вольнолюбию, которые веками лелеяла и пестовала наша интеллигенция. Оказалось, мы совершенно не готовы к свободе. Более того, история независимой Украины показала всю опасность свободы для несозревших для нее: разграблено и растащено всё — от столичных заводов-гигантов до изъеденного мочой кирпича в коровнике захудалого колхоза. Это-то великие дела и пресловутая свобода? Гротеск, фарс, библейские реминисценции, с помощью которых показан безысходный мир тотальной фальши, падения нравов, морали, мир, где тор-

---

* Гарин И.И. Век Джойса. — М., 2002. — С. 31—32.

жествует тупость и серость, определяют стиль Анатолия Можаровского, ибо он вынужден повествовать не о великих деяниях своей нации, а о делах мелких, суетных и столь ничтожных, что люди, участвующие в них, выглядят не более чем мелкие букашки.

Поэтический мир Анатолия Можаровского напоминает картины Питера Брейгеля Старшего. В нём, как и в работах нидерландского художника, многолюдно. С высоты птичьего полёта мы видим разбросанных по полотну людей. Каждый занят своим, важным для него, делом, не обращая внимания на соседа. Они вроде бы разобщены, но составляют одну, совершенную в единстве общность, каковым и есть народ. Но при ближайшем рассмотрении видишь уродство, карикатурность каждого человека, часто бессмысленность и греховность его занятий, а то и откровенное бесстыдство. Дух художника, поднявшись над суетой, воспрянув к Богу, с грустью и состраданием смотрит на красоту и убожество мира. Нельзя быть гуманным не сострадая. Поэзия Анатолия Можаровского столь всеобъемлющая, как и живопись Питера Брейгеля, и столь же исполненная

сострадания, с постоянным привкусом исключительной грусти...

Куда идешь ты, человеке?

Быт и места бескорбные на земле — несбыточная мечта, которой ищут умы и сердца, чуждые Божественного просвещения, обольщенные бесами.

Раскаяние в греховой жизни, печаль о грехах произвольных и невольных, борьба с греховными навыками, усилие победить их и печаль о насильном побеждении ими, принуждение себя к исполнению всех Евангельских заповедей — вот наша доля*...

---

* Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. — Т.2. — С.50, 56.

ПОЭЗИЯ КАК ПРЕДВИДЕНИЕ

“Человека можно возвысить, человека можно наделить божественным началом, так что постепенно он уподобляется Богу и научается управлять собой. Да будем продолжать совершенствовать наши институты и тем возвышать людей до тех пор, пока демократия не достигнет совершенства и мы не сможем истинно сказать, что голос народа есть глас Божий”.

Эндрю Джонсон.
Президент США.

Как писал П.Б.Шелли: “Поэзия — самая верная вестница, соратница и спутница великого народа, когда он пробуждается в борьбе за благодетельные перемены во мнениях и общественном устройстве.”

А ещё поэты обладают предвидением.

Они видят глубже и дальше тех, кто мнят себя политиками и вершителями судеб стран и народов.

Поэт оказывается способным выразить всеобщую правду о человеке, которую никто не хотел бы знать, — правду, не тре-

бующую украшательств, разглагольствований о гуманизме, высотах духа, прогрессе, правду о гигантской профанации духа, о вакханалии бессодержательных идей, о крахе идеалов, о холостом ходе истории.

Всё это есть в книгах Анатолия Можаровского. Как никому другому ему удалось передать гнетущую атмосферу разочарования и безысходности воцарившуюся в Украине да, собственно, и на всем постсоветском пространстве. До крайности обозлён народ засилием властей, циничным грабежом. Всё больше людей живёт так, что все дни ихней жизни — постные пятницы. И — теснота! Честному человеку ногу поставить некуда, а ведь человек желает жить в некотором просторе и на твёрдой почве. А где она, почва-то? Возрастают уныние... Прислушайтесь: о чем говорят? Идёт всеобщее соревнование в рассказах о несчастьи жизни, взвешивают люди, кому жить тяжелее. До хвастовства доходят, до ярости: “Мне хуже!” — “Нет, врешь, мне!” Ведь это хвастовство для оправдания будущих поступков...

“Грядёт бунт!” — неоднократно предупреждал поэт. Нельзя жить в постоянной тревоге, что завтра всё полетит к чер-

ту и вы окажетесь в мятеже страстей, чуждых вам. Страх незащищённого человека перед созданным бандитской властью порядком отбирает будущее, а из отсутствия будущего вырастают ужасы настоящего: скепсис, ирония, утилитаризм, крайний эгоизм. Каждый замыкается в себе и гребёт под себя, начинается пир во время чумы. Происходит обезличивание людей, распад индивидуальности, апокалиптический рост бюрократии — и всему этому каждый вынужден ставить заслон лишь в форме собственного “я”.

Анатолий Можаровский — поэт, возросший на традициях украинской народной культуры и истинно христианском мировоззрении. Он очень тонко чувствует несправедливость, неправедность современного мира, где забыты и осмеяны Божьи Заповеди, как главные моральные ориентиры, где деньги превратились в овеществлённое насилие, особую, гибкую, высоко развитую и вездесущую силу. Шрам за шрамом оставляет мир на тончайшей душе поэта, и она отвечает на это ещё большей восприимчивостью к жизни: наши драгоценности внутри нас, а не вовне. Он верит в многомерность человека и его способность

преодолеть и победить самого себя. Беспощадные силы, противостоящие человеку, действуют не извне, а изнутри самого человека. Социальные преобразования ничего не меняют, ибо не меняют источник зла в мире — человека. Виновен каждый и все. Искать бесовщину вне её носителей — деформировать мир.

Угнетение человека безмерно, но главный угнетатель — сам человек. Мотив совиновности каждого — величайшая этическая идея, наиболее трудно усвояемая человеком, главные качества которого — слепота и нетерпимость. Анатолий Можаровский говорит об этом искренне и честно, иногда, может, даже излишне эмоционально, используя и недостаточно нормативную лексику. Это вызывает критику и обвинения в “непоэтичности” его стиля, аморальности текстов. Но искренность и честность не могут быть аморальны. Аморальность — это когда лгут.

Каждый человек из собственного опыта знает как трудно быть откровенно правдивым даже в обыденной жизни, как трудно подобрать нужные слова и интонацию, и как легко врать — откуда и берутся красивые слова!

В литературе, а в поэзии особенно, сказать правду многократно труднее. Это пережили многие великие писатели. Вот признание Мартена дю Гара: “Когда я начал писать, я очень старался писать хорошо. Иногда мне это удавалось. Во всяком случае, я писал лучше, нежели сейчас. Но чем больше я работаю, тем больше убеждаюсь, что, если настойчиво стремиться как можно полнее выразить правду, нужно отказать от излишних забот о стиле. Правда, точная правда о сущности человека так сложна, так легко ускользает, так трудно уловима! Когда вы углубляетесь в эти таинственные области, чтобы извлечь на свет тысячи мелочей, составляющих правду, вы забываете о тщательной отделке фразы: нужно, чтобы слова были просты, чтобы они сами сходили с пера, отражая ход мысли и поиски исследователя.”

Стиль Анатолия Можаровского — это сверхреальность в её движении и изменчивости, где передаваемое душевное состояние приобретает многомерность, жизнь — полноту, время — ощутимость.

Анатолий Можаровский постоянно использует библейские символы, христианскую мифологию, ибо убеждён, что толь-

ко с помощью библейских символов искусство может убежать от пустоты и мелководья слишком сознательного устройства вещей в обилие и глубину природы и человека. Использование библейских символов, проведение постоянной параллели между современностью и древностью есть способ контролировать, упорядочивать, придавать форму и значение тому громадному зрелищу тщеты и разброда, которое представляет собой современная история. Видя потрясающее одиночество человека, его тревоги, озлобленность, беспримерный холод, жадность к деньгам, равнодушные и жестокость отличающие наше время, он всё же не теряет веру в человека, в его сознательный выбор между Добром и Злом, его личную победу над дьявольщиной в душе.

И это случилось. Восстал Майдан. Люди, казалось бы принципиально необъединяемы, ибо их волновала не солидарность, а хлебность, вспомнили о своём человеческом достоинстве, о божественном начале в своей душе.

Сегодня мы живём уже в другой Украине. Хотя многое ещё предстоит сделать, чтобы страна действительно стала другой.

ОПЫТ СТРАДАНИЯ

Приход к власти демократии в Америке и в Европе не станет, как на это надеялись, гарантией мира и цивилизованности. Это победа невежд, которых никакая школа не в состоянии наделить умом и здравым смыслом. Похоже на то, что мир вступает в новый этап опыта, отличающийся от всего, происходившего ранее, в котором должна существовать новая дисциплина страдания, призванная приучить людей к новым условиям.

Чарльз Элиот Нортон.

В 1913 году в Париже состоялась премьера балета Игоря Стравинского “Весна священная”. Композитор, как он сам объяснял, хотел передать музыкой “светлое Воскресение природы, которая возрождается к новой жизни, воскрешение полное, стихийное воскрешение зачатия всемирного”. Для этого он использовал нарочито грубые проявления полиритмичности и диссонанса. Премьера вызвала громкий скандал. Свидетели утверждали, что в зале начались стычки, второй акт

пришлось давать в присутствии полиции. Почему так отреагировал зритель? Хотел или не хотел того композитор, но ему пророчески удалось передать и сделать ощутимой адскую атмосферу грядущих общественных потрясений, которые будут вызваны мировой войной и революцией в России. Найденные Стравинским ритмы, диссонансы, то, что критики называли ошеломляющей “немузыкальностью”, стали наиболее выразительной формой передачи трагедии бытия.

Новаторская музыка Стравинского, взломавшая старые стереотипы, колоссальная экспрессия, гипнотический, всеподчиняющий ритм, на фоне которого мелькают различные мелодии старинных свадебных песен, веснянок, неукротимая стихия жизни — все это ошеломляло, вызвало испуг и неприятие.

“Весна кровавая” Анатолия Мокжаровского тоже ошеломляет. Это поэзия, передающая нынешнюю адскую атмосферу мира, погрязшего во лжи и стяжательстве, которые породили ненависть, довели до прямого кровопролития. Как и когда-то Игорь Стравинский в “Весне священной”, Анатолий Мокжаровский в “Весне крова-

щей” передает ритм пульсирующей эмоции, варьирует напряженность, комбинирует чистый лиризм с активностью мысли, аранжирует поэтические идеи и образы по аналогии с движением темы в оркестре, ведомой различными инструментами. Его стих — отнюдь не сладкозвучен, мы слышим шокирующие диссонансы и лязги самой жизни. Грубый реализм некоторых поэзий, смелость с которой он выуживает свои темы с жути современной действительности, использование непубликуемой лексики тоже многих возмущает. Но именно это и помогает поэту уловить подлинный голос бытия, целого бытия, а не частной части, голос целого, а не одного из партийных участников его. Это безумие бытия не может быть выражено односмысленными понятиями и однотонными классическими образами: в них — нарочитое утаивание, ложь, спасительные иллюзии всякого рода, односмысленность и односторонность оценки, нарочитая неполнота.

Анатолий Можаровский, сформировавшийся как личность на ценностях христианской культуры, и как поэт целенаправленно стремится к правде: говорить прав-

ду для него естественно как дышать; он не способен врать, недоговаривать, утаивать что либо, ибо он говорит с Богом. Его поэзия — всегда исповедь кающегося человека, осознающего свои грехи. Он не выделяет себя из толпы, не строит из себя лучше чем есть, не намекает на некую “избранность”, обособленность. Он подвержен соблазнам как и все мы, но, в отличие от нас, знает настолько тонка перегородка, которая отделяет человека от бушующего вокруг зла, понимает настолько человек недоступен прекрасному и как чрезмерно доступен злу. А наиболее современная и актуальная форма зла — это и есть ложь. Чрезвычайное многообразие и тонкость ее форм: ложь, соединенная со страхом, угрозой и насилием; ложь, обман — неотъемлимые индигриенты власти. Обманутого превращают в вещь. Это один из способов насилия и овеществления человека в современном мире.

То, что сейчас творится в Украине — тоже результат лжи. Многолетней, наглой, циничной, отравляющей лжи. Все без исключения партии, вся так называемая политическая и бизнесовая “элита” лезли во власть на лжи, на лжи и обмане строили

свое финансовое благополучие, вернее, непомерную, абсурдную, не понятную здравому уму роскошь (взять хотя бы дворцы и усадьбы трусливо сбежавших президента-уголовника и своры его приспешников! А сколько таких же безумно дорогих “хатынок” депутатов и чиновников разных уровней еще прячутся за высокими заборами, уродуя самые живописные места Украины?). Эти лгуны и воры, обманом приватизировав страну, цинично придумали себе оправдание: они, мол, “успешные” политики и бизнесмены, проявившие себя в условиях свободного рынка; а кто не смог, тот неудачник. А почему неудачник? Ведь не оттого он неудачник, что он бестолковое существо, пущенное в жизнь без каких-то необходимых качеств. Неудачи преследуют его от того, что он честен. Благородность, честность — вот причина неудач. И неудачи компрометируют не самого человека, а весь строй жизни, к которой он принадлежит. Раз его не признают, раз он всюду терпит урон, — это значит, что нечто порочное лежит в основе всего жизненного строя.

Ложь отравила страну. Ложь, как раковая опухоль, пустила метастазы во все жиз-

ненно важные органы государственного механизма и общества, инфицировала каждого человека. Казалось, летальный исход неизбежен. Но нашлись люди, которые решились на ампутацию: Майдан, революция Достоинства удалили источник смертельной недуги — вор-президент свергнут, позорно бежал в Россию... Но симптомы болезни остались. Их еще лечить и лечить. Ненависть, порожденная ложью о мнимых бандеровцах и правом секторе, ложь о ненавистной и принудительной украинизации, ложь о хунте, якобы захватившей власть в Киеве мутит разум — ладно бы в “братской” России! — в Украине мутит. Добровольно сдался в рабство Крым, бандитствуют в Донецке и Луганске шутовские республики, Европа, присевшая на русский газ и приветившая русских олигархобандитов с ихними миллиардами, говорит о своей “глубокой озабоченности”, обещает санкции Путину и призывает “к мирному урегулированию конфликта”...

Современный мир, современный жизненный порядок — это царство фикций, теней, мнимостей. Современные люди не живут в среде действительных вещей. Действи-

тельные вещи не в цене. В цене мнимости, тени. Анатолий Можаровский, наверное, единственный из современных поэтов, кто постоянно разрабатывает эту тему. Одна из его книг так и названа: “Оттенки и тени”. По Анатолию Можаровскому — мир, который управляется деньгами, материальными богатствами, — это мир мнимостей, теней. Люди как телесно-духовные индивидуальности ничего не значат. Никакого значения не имеет, каков человек на самом деле, каковы его подлинное достоинство, его реальная личность. Он, как и другие в этом обществе, вытеснен собственной тенью. Тень не только важна, тени вытесняют своих носителей. Подлинники, реальности вытеснены собственной тенью. И то, что принято называть реальным миром, — мир политиков, дельцов, бизнеса, то, что считается реальностью как таковой — сплошной морок. Реальности современной жизни, социальные реальности — они на деле суть мнимости, тени. Современный социальный мир, со всеми своими законами — это теневой мир, антимир. Подлинные реальности упразднены. Человек, как таковой, деятельность человека, его работа, его дарования — ни-

чего не значат. Человек — это не то, что он умеет и кто он есть, а то, что он имеет, важен не человек, а то, что в его кошельке. Он не личность — он вещь.

Этот феномен обезличенной жизни строится на том, что лицо индивидуальное в ней лишается всякого значения. Лицо заменимо. Вместо одного человека можно подставить другого. И никто не заметит. Все пройдет спокойно, как если бы ничего не произошло. Есть только положение занимаемое человеком. Оно что-то значит. А сам человек ничего не значит. Сам он легко и незаметно обменивается на кого угодно. Из жизни вынимается индивидуальная человеческая душа. До живой души, до индивидуальности нет никакого дела. Живая душа — она присутствует, но с ней не считаются. Она ни в каких раскладках и выкладках не участвует. На деле её нет. И это самое ужасное из обстоятельств обыденной жизни.

Анатолий Можаровский говорит о мистике денег, об особом оккультном влиянии денежного богатства на людей. Деньги создают лица, положения, влияния, культы. Мир околдован золотым влиянием, властью золота, люди под влиянием фети-

шизируемого богатства. Богатство для них — не производное обстоятельство напряженного труда или реализации своих талантов и способностей, как это должно было бы быть, а первоисточник всего сущего, всего действительного. Материальный фетишизм околдовал мир. Общество поклоняется не человеку, не его деятельности, которая создает вещи, а самим вещам. Никто уже и не помнит, что есть вечная, неостановимо, вечно звучащая жизнь, стихия жизни, своеобразная музыка жизни. Поэт Анатолий Можаровский слышит эту музыку и сражается с тенями и мнимостями современного мира, сражается за некую сверхреальность, за мир, который был бы лучше нашего; за простой мир, за то, чтобы он оставался равен самому себе, сохраняя силу, отнятую у него мнимостями разного рода, отнятую глиняными истуканами и тенями; за то, чтобы человек как органическое существо, как некая индивидуальность телесно-духовная — чтобы он значил что-то в общественной жизни.

Эту творческую стихию жизни, эту музыку жизни Анатолий Можаровский облекает в звуковой образ слова. Для него только лишь “красоты звучания” недостаточ-

но. Музыкальной структуре стиха Анатолий Можаровский дает ритм пульсирующей эмоции с тем, чтобы варьировать напряженность, комбинировать чистый лиризм с активностью мысли, аранжировать поэтические идеи и образы.

Он видит свою задачу в том, чтобы помочь читателю постичь непостижимое, расширить сферы эмоций и восприятия. Для этого он обращается к внелитературным слоям народного языка, используя различные типы и стили разговорно-диалогических жанров. Отсюда некоторая размытость монологической композиции его поэзий и привлечение читателя как партнера-собеседника-сотворца, что имеет принципиально важное значение для развития стиля современной поэзии.

...В 1977 году “Весна священная” Игоря Стравинского, записана на золотом диске вместе с другими двадцатишестью музыкальными произведениями, была отправлена на борту космического корабля “Вояджер” за пределы Солнечной системы как послание для внеземных цивилизаций.

“Весна кровавая” Анатолия Можаровского такой же сигнал миру о том, что такое Украина.

ДЬЯВОЛИАДА КАК МЕТАФОРА СОВРЕМЕННОГО МИРА

Авторы бестселлеров давно успешно эксплуатируют сюжет сделки человека с дьяволом. Сюжет не нов. В той или иной форме он присутствует в фольклоре многих, даже и не христианских, народов. Сделка с дьяволом — это всегда личный выбор каждого человека между добром и злом, духом и телом, звериным и человеческим началами. Выбор всегда архитрудный, ибо не дает шанса воспользоваться опытом предшественников; он — вне опыта. Человек всегда одинокий путник на перекрестке добра и зла, ему не с кем посоветоваться, он сам должен выбрать какой дорогой пойти, какими возможностями пожертвовать ради реализации других. Часто им движет страх остаться посредственностью или неудачником. В повседневной жизни мирские блага, мирская слава манят кажущейся доступностью, а служение истинному добру требует самоограничения, сопряжено с лишениями и необходимостью

идти против господствующего в обществе конформизма.

Для писателя всегда интересен этот момент выбора, это распутье, ибо дает ему неограниченные возможности создавать яркие, запоминающиеся, достоверные образы человека и времени. Многие, например Стивен Кинг, наделяя персонажей своих произведений сверхестественными возможностями, ставят перед ними более сложный выбор: куда направить силу, которая уже сама по себе воспринимается обществом как греховная; ее носитель — враг, даже если ничего не делает — он опасен, он не такой как все, он изгой, преследуемый, загнанный в угол беглец, и, чтобы выжить, вынужден защищаться, неся смерть и разрушения (“Керри”, “Воспламеняющая взглядом”).

Свой вариант “сделки с дьяволом” предлагает нам в памфлете “Русская весна” и гопники” Анатолий Можаровский. Подавая происходящие в Украине события, как результат объединенных усилий обитателей ада и ныне действующих политиков, он через невероятное выходит к истинным причинам фактического краха страны, где власть прогнила от жадности, воровства и

эгоизма и своим примером донельзя развратила народ.

И вот она, сегодняшняя Украина:

— вооруженных бандитов и террористов-наемников приветствуют как героев, а солдат собственной армии, усмиряющих эту мразь, обзывают “фашистами”, “оккупантами”, готовы порвать на куски;

— часть страны захвачена вражескими войсками, а человека, говорящего на родном языке зверски избивают и требуют у парламента сделать государственным язык захватчика;

— демонстративно срывают с административных зданий и жгут государственный флаг, и с воплями дикого восторга vessают флаг врага...

Где и в какой стране такое возможно?

Даже обитатели ада — верхушка нацистской Германии во главе с Гитлером и руководители Советского Союза от Ленина до Сталина — напуганы деяниями своих духовных наследников. Этот эпизод в памфлете — ключ к пониманию сути происходящих сегодня событий.

После распада СССР коммунистическая идеология, как человеконенавистническая, не была осуждена, компартия не зап-

рещена, ее деятели, виновные в истреблении миллионов ни в чем не повинных людей, спокойно доживали на уютных госдачах, получая солидные пенсии, а их младшие собраты без оглядки бросились “в бизнес”, а на самом деле — в откровенный грабеж. И зло даже не в том, что за несколько лет была окончательно уничтожена экономика, исчезли бесследно сотни заводов и фабрик — разворованное рано или поздно можно вернуть, разрушенное отстроить. Гораздо страшнее другое — моральная деградация человека, которая уродует и разрушает личность. Мораль, как чувство органической брезгливости ко всему грязному и дурному, как инстинктивное тяготение к чистоте душевной и красивому поступку — такая мораль ушла из нашего обихода. Воровское общество породило конформизм: удачливый бандит вызывал восхищение и зависть, становился примером для подражания, тогда как большинство людей не могло честным трудом заработать на хлеб. “От трудов праведных не наживешь палат каменных” — поговорка, созданная цинизмом хищников и тупым отчаянием неудачников, стала программой действия. Народ погряз в

частном интересе, в служении собственному чреву и собственному карману.

Под обнадеживающие речи о демократии эйфория первых лет независимости развеялась как утренний туман. Страну захватили и поделили на сферы влияния олигархические кланы, в борьбе за власть они не останавливались перед попранием любых установлений, ни Божеских, ни человеческих. Вопиющее неравенство стало неотъемлемым признаком продажного общества, которое политически и социально развратилось. Интерес к политической жизни сменили пассивность, аморфность, способность большинства покорно принимать любые действия властей. Это и привело в президентское кресло откровенного уголовника. Он ретиво взялся доворовывать не доворованное предшественниками, уничтожать остатки армии, вносить раскол в общество страшилками о националистах и разговорами о “втором государственном”. Казалось, так будет вечно. Ничто и никогда не изменится.

Но, как и всегда, дьявол переиграл сам себя, поверив, что человек генетически осужден на приспособление к породившему его обществу, что он готов любой це-

ной адаптироваться, приспособиться, вписаться, лишь бы выжить.

А Земля то на праведниках держится!

Снова восстал Майдан, пережив измену и отчаяние после Майдана первого.

Безоружные шли под пули автоматов и снайперских винтовок.

И революция Достоинства выстояла, изгнала ворьё, узурпировавшее власть.

Души героев Небесной Сотни витали над Майданом, радуясь победе вместе с выжившими.

Страна уже была другой — растила способность любви, стремилась к новым идеалам, мечтала стать чище, совершеннее, сильнее.

Но жива дьявольщина!

В Крыму восстали за разрешение закабалиться. Оказывается, есть и такой срез существования — жажда подчиниться, упоение несвободой, отказ от воли.

— Хочу умереть в России! — истерически орали старушки.

Так вроде бы никто и не запрещает. Хочешь — едь, умирай...

Но Россия приехала к ним сама. На танках, бронетранспортерах.

Затем, обидевшись, что их земляка с зо-

лотым унитазом, который бесовестно грабил их десятилетиями, согнали с трона, начали возмущаться Донецк и Луганск:

— Нас не спросили! Нас не слышат!

— А чего хотите?

— Ну...

Поди, догадайся.

Люди, которые не знают, чего они хотят, — это люди опасные политически и социально.

— Мы независимая республика! — машут автоматами и грозятся идти на Киев.

Это страшная, тупая, свинья со щетиной сила, неуязвимая ни для логики, ни для эмоций.

Анатолий Можаровский показывает нам подоплеку этих событий, направляемых из русского и германского спецотделов ада, где они общими усилиями планируют спецоперации для когда-то контролируемых ихними режимами территорий, подбирают руководящие кадры для новых партий, которые должны продолжить начатое ими “преобразование мира”. Но ученики вышли из-под контроля наставников, и начали творить такое, что даже ад пришел в ужас.

Изображая духовное родство фашизма,

коммунизма и нынешней постсоветской идеологии гротескной, абсурдной символикой, Анатолий Можаровский показал, что проза абсурда есть наилучший способ изображения того абсурдного мира в котором мы живём, не осознавая всю глубину дьявольщины, которая влияет на человеческое существование, природу отношений человека и государства, личности и власти.

СО ВРЕМЕНЕМ ВПРИТЫК

Бог открывает людям свою волю в событиях — это темный текст, написанный на таинственном языке. Люди тотчас же делают переводы — переводы поспешные, неправильные, полные промахов, пропусков и искажений. Очень немногие понимают язык божества.

Виктор Г ю г о.

Мимолетные дни, жужжа, как мухи устремляются в небытие, и каждый миг — окно, распахнутое во все времена.

Томас В у л ф.

Неимоверное количество событий, меняющихся в катастрофически ускоренном темпе, определяет ритм жизни в нынешней Украине. Кажется, мы вступили в эпоху, где время утратило привычный ритм и мы уже не можем измерять его, ибо оно утратило равномерность, обрело неимоверное ускорение: как осенние листья, подхваченные вихрем, уносятся дни, недели, месяцы... События засасывают, тащат за собой,

им невозможно противостоять, их невозможно осмыслить, оценить, извлечь из них опыт — настолько всё быстро и изменчиво. Связь: прошедшее — настоящее — будущее — утрачена. Человек растерян. Он выброшен из времени, не контролирует его подчас даже на бытовом уровне, из привычного ритма жизни он попал в хаос. Смятение, тревога преследуют его, лишают покоя, уверенности в завтрашнем дне. Чувство чуждости отделяет его от мира, обрекает на одиночество, вселяет в душу отчаяние и безысходность:

Время...
Такое сумбурно мерзкое.
Хоть люди шикарно
одеты...
Есть хлеб и песня.
Есть ристалища
в бесконечность.
И ад вышел уже
на поверхность...
Он здесь многим
при жизни стал
привычным.
Желание смерти —
это желание убежать
из ада...

Естественно, человек хотел бы избежать хаоса. Воспринимая его как ад, в ко-

тором он очутился не за свои грехи, а по чьей-то злой воле, он думает, что страдает незаслуженно, и от этого впадает в еще более глубокое уныние и тоску, переходящие в суицидные настроения...

Но по идее античной философии, хаос никогда не уходит из мировой жизни. Как понятие негативное — он темен и дела его темны. Хаос все отнимает и ничего не возвращает. Как понятие позитивное — хаос созидательная сила, опытное поле и питомник разума и гармонии. Темный хаос рождает светлые миры. “Хаос есть та запутанность, из которой может возникнуть мир”, — пишет Фридрих Шлегель, и добавляет: “Хаос — запутавшееся обилие”. Решениям и переустройствам в мире или отдельно взятой стране каждый раз предшествует хаос, состязание мотивов, примеривание, угадывание, сопоставление, бурные пробы и бурная проба сил. Именно это и переживает сегодня Украина.

В творчестве Анатолия Можаровского хаос трактован и как начало созидательное, животворящее, и как носитель разрушения и смерти. Поэт видит в хаосе и другие возможности, помимо тех, что победили на этот раз и поэтому притязают на свою об-

щеобязательность. В объективном мире существует не один путь, а множество путей развития, и нам позволено выбирать. Множественность путей дает человеку возможность выбора, — есть выход и есть пространство, которое стоит того, чтобы выходить к нему. Возможность: это наша воля, это и наша разумная восприимчивость к данностям, которые мы застаем. В том, что мы не сами создали, в том, что нам послано природой и историей, мы можем тем не менее найти свое. Но всегда ли ищем? Всегда ли хотим найти?

Долго, слишком долго мы жили ничего не меняя. Мы остановили время на точке распада СССР. Получив формальную независимость, мы десятки лет ничего не делали для того, чтобы стать народом и государством. Зная жуткие преступления коммунистов — террор, репрессии, голодомор, их звериную ненависть ко всему украинскому, мы тем не менее, не осудили их и не устранили от власти, позволили им делать все, что хотят, а они, предав свою вчерашнюю “святую” идею всеобщего “равенства и братства” начали беззастенчиво обогащаться, строить свой личный капитализм. Социализм с человеческим лицом

у них не получился, но монстр, пришедший ему на смену в ихнем исполнении, вышел еще ужасней. Под демагогические разглашательства о либерализме и демократии власть захватили люди беспринципные и беззастенчивые. Дух злого умысла вторгся в политику. Они узаконили широчайшую терпимость к преступлению, как одну из основ своей силы. Вчерашний партийный функционер братается с уголовным авторитетом, они вместе пишут новые законы в парламенте, входят в списки “самых успешных людей Украины” — еще недавно даже сама мысль, что идеалом может стать преступник, была бы безумной! Навязывая обществу свои понятия успеха (именно “понятия”, воровские понятия!) они унижают талант и трудолюбие людей созидających.

Напрасно было бы думать, что мир богатых обладает самой могучей реальностью. Опыт показал другое: именно здесь сплошное царство фикций, мнимостей, здесь нет подлинных людей, нет личностей, нет дел, нет трудов, заслуг, люди живут отраженным светом своего неизвестно как полученного богатства, своего положения в обществе, произвольно ими присвоенного. Всюду

формы, ничем не подтвержденные, ложь, пользующаяся репутацией права и правды. Анатолия Можаровского интересует такая душа, допустившая себя до стяжательской страсти, ее искажение, деградация, узость. Эта узость — одна неподвижная идея — деньги и только деньги. Нет больше связи с близкими, связей с людьми. Этот человек весь внутренне потемнел, в нем налицо расположение к преступности — деньги в средстве с кровопролитием. В деньгах мерещится власть над миром. На деле они этой власти человеку не дают, они сами становятся властью над ним, его порабощением. Нарушена гармония человеческой души, унижен человек — творенье Божье. Как цель, как идейность деньги есть мнимость. Официальная действительность, вся как есть — одно единое царство уродливых, гротескных теней. Гротеск там, где низшее получило преобладание над высшим, где высшее попадает в лапы к низшему. Когда развитие идет в обратную сторону: не от низшего к высшему, а от высшего к низшему. Высшее в плену, в неволе у низшего. Жизнь — гротеск. Человек — гротеск, его лицо — гротеск, его быт, обиход — гротеск. Мы имеем дело с отрицательными, ущербными

явлениями, они нас унижают и сердят. От них можно отделаться только смехом и сатирой, поэтому Анатолий Можаровский все чаще и чаще прибегает к гротесковой символике, иронии, абсурду. Он преследует зло и не позволяет ему исчезнуть бесследно. Тут невозможна обманчивая личина, тут срываются все прикрасы, тут гнусность сбрасывает свой покров, тут полная нагота, разоблачение всех иллюзий, тут нет ничего, кроме подлинных вещей, являющих зловещий вид разрушения и конца. Вот картинка: милитари-магазин в центре Москвы, распродажа военного снаряжения, украшенного “колорадскими” лентами, с убитых на востоке Украины. Покупателей — толпа, знакомые все лица: тут и телеведущий Киселев, известные артисты, профессора, словом, весь московский бомонд. Хватают все подряд — измазанные кровью, обгоревшие гимнастерки, простреленные каски, бронежилеты, амуницию, окровавленные бинты. Диалог у прилавка:

— Мне бы
белья нижнего,
прямо с тела, —
попросила певица Валера.
— Мужского, женского?

— И того, и другого.
Мне и мужу.
Это так эротично,
и заводит нас дома...

Казалась, невероятная, совершенно абсурдная ситуация, но самое страшное, что воспринимается она как самая что ни на есть обыденная реалья сегодняшнего дня. Глубина морального падения столь глубока, что появление такого, как модно ныне говорить — креативного — магазина вполне возможно, и можно не сомневаться — он бы имел полнейший успех:

...очередь разнесла
витрину
и хватала все, что видела.
— Еще б резину
для жгута... —
шептал старый профессор,
держа в руках
кусоч окровавленного бинта.
— Ляпота! —
визжала жена
хозяина фирмы.
— Вот это бизнес!
А если б еще
части тел убитых
в русскомірье...

Когда живая человеческая душа превращается в советника коммерции и только, —

это великое искажение природы. Это уродство.

Анатолий Можаровский один из немногих литераторов, кто постоянно встает на защиту униженных и оскорбленных в нашем непростом мире, ибо именно простое, самоочевидное в нем недоступно, исключено из него. Простой человек со своими простыми запросами не имеет в нем места и признания. Трудом, ремеслом ничего не возьмешь в этом мире. Хлеб, добытый честной работой, становится предметом мечтаний. Бедность легко ранима, она боится обид, несправедливости, богатство — справедливости. Именно поэтому все эти годы так рьяно рвались к власти откровенные злодеи, и, что говорить, преуспели — даже президентом у нас был уголовник...

Анатолий Можаровский откровенно писал об этом, писал о законсервированном времени, о времени, изгаженном человеком.

Время как составляющая, как основа художественной ткани, как задача и цель художника, как часть его философии всегда ощутимо в его поэзии и прозе. Он человек, помнящий прошлое, понимающий глубоко настоящее, с тревогой и надеждой

всматривающийся в будущее. Находясь в постоянных поисках истины Анатолий Можаровский часто обращается к первоосновам бытия, к Божественным Заповедям, прислушивается к голосу природы, становится поверенным и современной жизни — бурной и нервной, превратившейся в ад на земле. Он не приемлет стихии несчастий. Противник социального зла и насилия, поэт болезненно и остро переживает конфликты окружающей действительности, стремится вырваться из замкнутого пространства, представляющего ему в образах тюрьмы — от государственных форм подавления личности до такой ячейки общества как семья.

Анатолий Можаровский смело ставит нерешенные проблемы времени, стремится один на один сражаться со злом; находясь в состоянии трагической безисходности, бросает вызов дьявольским силам, овладевшим душами современных людей. Жестокая прямота его поэзии — своеобразная форма отстранения, выражающая его бунтарство, бескомпромиссную позицию в борьбе против “волчьих” законов и инстинктов.

Показывая Украину не парадную, “ту-

ристическую”, приукрашенную мнимым лоском её “элит”, а изнутри, так как ее видит и воспринимает, от которой жестоко страдает простой народ Анатолий Можаровский дает реалистическую картину, характерную вообще для постсоветских стран. Картины жизни запечатлены часто гротескно и экспрессионистски выразительно, предстают в поэзии Анатолия Можаровского многозначительными символами, олицетворяющими абсурд, бессмыслицу, становятся “тенью вещей”.

В поэзии Анатолия Можаровского много неологизмов. Они помогают ему изменить не только восприятие предмета, но и самую природу его: *“путловизор”, “путловидение по мифу блудит”, “группировки бандитоловких”, “Путломурлов гонит// бандитов на Ростов”, “Разрушить города// и умертвить людей.// Московский патриархоолигархат// благословит его”*. Используя неологизмы, звуковой и графический (*“ПутинЪ”, “русскій міръ”, “Донецьк-луганськЪ”*) образ слова, он достигает в своей поэзии впечатления сплошной жизни, на читателя устремляется пугающая стихия жизни. Своим пластическим словом поэт помогает нам увидеть мир свежим

взглядом, он становится проводником, пророком, магом. Именно это позволяет ему вмешиваться в политику, говорить о экономических и морально-этических проблемах, способных изменить жизнь страны и мира.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОСПОМИНАНИИ

...Крутили когда-то в нашем сельском клубе фильм (названия уже не припомню), и был там эпизод, который казался тогда забавным: главному герою — летчику — подсовывают папиросу, в которую набито пороха. Тот, ничего не подозревая, глубоко затягивается — папироса эффектно взрывается, лицо курящего черное от копоти, только зубы и глаза блестят.

Решился на такую проделку и я. Украл у деда папиросу, потянул с кухни коробок спичек и, спрятавшись в бурьянах за сараем, выковырял из папиросы табак, наскреб со спичек серы, напихал в папиросу, кончик снова набил табаком.

Дед строгал доски. Я вертелся у него перед глазами и ждал.

— А принеси-ка папироску, внучек...

Я радостно метнулся к дому и быстренько вернулся с приготовленной папиросой. Подал её деду, отошел на два шага: жду, что же будет? Что сделает дед, когда папироса взорвется? Испугается? Заругает меня,

накажет? Внутренне я был готов к любому наказанию, хорошо понимал, что подлость делаю... Папироса, наконец, взорвалась. Я, хотя и ждал этого момента, испуганно вздрогнул. А дед и глазом не мигнул. Вроде и не случилось ничего. Смял пальцами гильзу, и не глядя на меня, выдохнул:

— Не балуйся, внучек...

Я расплакался и убежал.

Мне и сегодня стыдно за тот поступок...

Детство жестокое к старости. Может, это подсознательное воплощение вечного закона жизни: старое жертвенно уходит, уступая место только что рожденному? Ребенок не понимает старости, как молодая трава, которая растет на перегное своего предшественника, не знает откуда взялись живительные соки, что кормят её стебель. Минут года и, вдруг, неожиданно, как открытие, как озарение приходит — живешь на свете благодаря тысячам безымянных для тебя людей, которые сквозь века, природные катаклизмы, войны, голодоморы, эпидемии, болезни, среди тысяч и миллионов великих и малых несчастий сохранили, не оборвали тончайшую паутинку твоей жизни. Всё, что делали они и пережили — ради тебя. Без них не родился

бы ты. Но кто расскажет тебе о них? Родословное дерево? Где они, наши родословные деревья? Сгорели в пламени переворотов, революций и войн — только пеньки почерневшие торчат. Не белая кость — граф или помещик — простой человек, крестьянин с деда-прадеда, вынужден был отречься от своего рода, лишь бы ему не кололи глаза кулаками, единоличниками, вредителями, врагами народа... Какой только омелы не цепляли на наши генеалогические деревья, чтобы тут таки их безжалостно срубить!

Свое родословное дерево, тоже весьма обломанное и покалеченное лихолетьями и войнами, оживляет Анатолий Можаровский в повести “Ліксандр”. “Ліксандр” — это воспоминание о воспоминании. Деда не стало, когда автору исполнилось четыре: очень мал он был, чтобы сознательно интересоваться дедовой биографией; для него он был просто старый красивый человек с вечно улыбающимися глазами, которые светились добротой и любовью. С годами этот образ-воспоминание раннего детства как на погруженной в проявитель фотобумаге набирал всё более четких очертаний. Дело в том, что в ежедневной

жизни семьи Можаровских, как и села вообще, постоянно чувствовалось присутствие деда: каждый раз, когда возникала неординарная жизненная ситуация, на слуху было: “А Ликсандр поступил бы так...”, “Ликсандр сказал...”, “Ликсандр не разрешил...” Воспринималось это вполне естественно, авторитет Ликсандра стоял выше любых сомнений, был безусловным.

О Ликсадре никогда не говорили в прошедшем времени, как не расспрашиваем мы о прошлом тех, кто вырос вместе с нами — они всё время рядом, мы всё время идём по жизни плечо в плечо, у нас не возникает мысли интересоваться о них у кого-то ещё. У нас общее прошлое и общие воспоминания о нём. То, что о Ликсадре почти никогда не говорили вне контекста конкретных ситуаций, в которых он выступал арбитром, несколько усложнило реконструкцию его биографии: автору довелось делать упор на собственные детские впечатления и фрагментарные воспоминания матери, которые, к сожалению, уточнить не имел возможности — мама уже за вечной чертой...

Но вопреки всему, Анатолию Можаровскому удалось создать интересное, кине-

матографически выразительное и динамичное произведение, которое выходит за рамки биографии отдельного человека. Это — портрет народа на фоне эпох. В нескольких эпизодах, он показывает величие, силу, благородство духа простого украинского хлебороба, его вечное устремление к красоте, к совершенству человеческих отношений, где всегда на первом месте труд и соблюдение моральных принципов христианства.

Временное пространство “Ліксандра” — последняя четверть XIX-XX — начало XXI веков со всеми их социальными, моральными катаклизмами. В интерпретации Анатолия Мажаровского, время не рамки, какими ограничивается биологическая жизнь человека; время олицетворяет мирское, временное, минущее, то есть антимир, — агрессивные, враждебные человеку силы, что соблазнами, подлостью, обманом уничтожают в человеке божественное начало, лишают будущего.

Есть в повести, вернее в биографии Ликсандра, сногшибательный сюжет — невероятная проделка антимира: во времена репрессий сельские активисты замучили до смерти его жену, разграбили дом, об-

рекли на голодную смерть осиротевших детей; и вот, в немецкую оккупацию этих активистов арестовано, их должны расстрелять. Ликсандр спасает их. Много лет спустя внука одного из спасенных станет женой автора, внука Ликсандра...

Ликсандр выиграл свою битву со временем, свою битву с антимиром.

Сегодня наша очередь сражаться с современным, не менее подлым и коварным антимиром. Сегодня он облачен в иные, более соблазнительные одеяния и служат ему современные адепты с куда более масштабнейшим размахом: те Леги, Сопляки, Костырки и Потапы, что в тридцатые под лозунгом коллективизации грабили односельчан, сегодня уже под лозунгом приватизации прибрали к рукам страну. Они теперь олигархи, депутаты, президенты. Каста неприкасаемых уродов, предателей, врунов, ворюг, убийц, распутников...

Против них и восстал Майдан.

Революция Достоинства, жертвенная гибель Небесной Сотни в который раз доказали миру, что украинцы способны отвоевывать право на достойную жизнь.

Но враг не дремлет. Соседнее государ-

ство, которое лицемерно убеждало нас в
“братской любви”, подло начало войну.

И снова нет покоя в Украине.

Оккупация Крыма....

Террористические банды и российские
войска на Донбассе и Луганщине...

Тысячи погибших и раненых, больше
миллиона беженцев...

Выжженная земля...

Война с антимиром продолжается.

И мы не имеем права проиграть её.

В ПОИСКАХ ЛЮБВИ

Повесть Анатолия Можаровского “Між берегами” построена как монтаж записей из дневников разных лет. Такой композиционный прием позволяет вести рассказ в двух временных измерениях, мы видим героя повести параллельно в двух возрастных категориях: ребенком, подростком и человеком в зрелом возрасте.

Литературная структура повести, которая проявляется уже на уровне языка (эпизоды детства поданы на украинском языке, взрослая жизнь — на русском), символизирует раздвоение личности украинца советского и, особенно, постсоветского времени.

Детство — время, когда все, что происходит, происходит впервые — любовь, первые друзья, первая влюбленность, боль обиды и горечь несправедливости...

Детство — это еще и естественно украинский мир, свой, родной, по семейному уютный для тебя, здесь все знают друг друга, готовы с радостью прийти на помощь: толокой поставить новый дом, вспахать

огород вдове, угостить соседей свежиной. Ребенок подсознательно впитывает в себя поведение старших, моральные принципы, опыт предков, то есть опыт органической жизни. Лирический герой повести воспринимает прошлое как таковое, что не только было до нас, но и есть в нас — в коллективном подсознательном: это чувство семьи, чувство языка, чувство Родины — малой (семья, родное село и его люди) и большой — для него это всегда Украина (народ, государство), — даже в те времена, когда официально она была лишь составляющей частью империи, которая именовалась СССР.

Но был еще и другой мир, тот, за пределами села... Его представители — уполномоченные района и области, фининспекторы, милиционеры, секретари и инструкторы райкома — постоянно наезжали в село, устраивали разносы, наказывали штрафами, пугали тюрьмой... А что говорили в основном на чужом языке — русском — еще усиливали инакость того, вне села, мира. Это был мир чужой, а то и откровенно враждебный. Он пугал. Понимая, что растет и за несколько лет вынужден будет идти в тот страшный и непонят-

ный мир, лирический герой повести просит маму поить его настоями таких трав, чтобы он всегда оставался ребенком...

Это восприятие ребенком “инакости” неизвестного мира, его враждебности в трактовке Анатолия Можаровского имеет более глубокий смысл: речь здесь о двух способах бытия в мире, две экзистенционные ситуации, которые человек развивает на протяжении всей истории — священное и мирское. Вообще всё творчество Анатолия Можаровского собственно и есть попыткой исследования морального выбора, который ежедневно должен делать человек: идти путем духовного усовершенствования или удовлетворять будничные стереотипные импульсы человеческого “я”.

Человек христианской культуры, религиозный человек живет в двух временных измерениях: это говоря языком современной философии “историческое настоящее” и “священное время”, время в котором родился и жил Иисус, час освященный Его проповедничеством, Его муками, Его смертью на кресте и воскресением. Именно это время и есть для христианина выходом из мирской жизни: исполняя волю Гос-

пода, живя по Его Заповедям он получает доступ к спасению, к жизни вечной.

Для религиозного человека точно так и пространство не есть однородным: оно состоит из разрывов, трещин, существуют части пространства, качественно отличные от остальных частей. “ Не подходи сюда! — предупреждает Господь Моисея. — Сними обувь свою с ног своих, ибо то место, на котором ты стоишь есть земля святая.” (Исход.3,5.) Значит, есть священное пространство, могущественное, значущее, источник жизни и плодородия, защищенное от другого, не святого, лишнего структуры и упорядоченности пространства. Неизвестная, чужая, не заселенная “своими” территория принадлежит сомнительному и враждебному “хаосу”. Независимо от размера своей родной территории — страны, города, села или дома — религиозный человек постоянно чувствует потребность жить в целостном и упорядоченном мире, защищенном от внешнего хаоса, который несет разрушения и смерть. Поскольку “наш мир” создан Богом, то противники, что нападают на него, отождествляются с врагами Бога. Атака на наш мир — это месть дьявола, ко-

торый восстал против творения Бога и стремится его уничтожить. Враги принадлежат силам хаоса. Каждое нападение извне, война, разрушение города, деревни, дома — равнозначно возвращению в хаос. Каждая победа над агрессором повторяет образцовую победу Бога над дьяволом.

Анатолий Можаровский метко передал интуитивное понимание ребенком двумерности времени: внешне его герой живет обычной жизнью сельского мальчика, играет с ровесниками, рыбачит, помогает маме в хозяйстве, но на самом деле реальный для него мир в мечтах, в прочитанных книгах; это его идеал, образец, за которым он конструирует свое будущее, готовит себя к подвигу в той, другой, части пространства, что за границами его села. По Анатолию Можаровскому, и детское понимание двумерности пространства также тождественно пониманию пространства религиозным человеком и состоит в осознанном противопоставлении святого пространства историческому сегодняшнему, при этом только оно (святое пространство, в данном случае село лирического героя) есть реальным, действительно существующим.

“Між берегами” — повесть о формиро-

вании личности, становлении человеческого “я”, вместе с тем это и история поиска украинской идентичности поколением, которое родилось и большую часть жизни пребывало в плену неразчлененности коллективного бытия, присущего мифу о “новой общности — советском народе”. Вообще повесть Анатолия Можаровского доказывает, что настоящий художник может взять произвольно маленький отрезок человеческой жизни и увидеть в нем жизнь целого поколения во всех его проявлениях.

Для Анатолия Можаровского крестьянство — колыбель культуры, сокровищница спокойной природной мудрости, глубокий и доброжелательный жизненный опыт, понимание и чувство прекрасного, совершенство и красота бытовых вещей, сельскохозяйственных орудий, которые признаны миром как уникальное прикладное искусство.

“Між берегами”, а еще больше предыдущая его повесть “Ліксандр” — гимн крестьянству и анафема подлой и бессовестной практичности, жестокости, политической демагогии, бесовщине и истерии современного постсоветского мира.

Украинец всегда относился к земле ува-

жительно, с особенной любовью. Она для него — *Божя земелька, земля-годувальниця, земля-матінка*. Он и каждую новую власть оценивал по ее отношению к земле и главному её дару — хлебу. Вспоминаю, бабушка Елизавета как-то рассказывала:

— Мне одиннадцать исполнилось, как эта, как её... слабода пришла (революцию бабушка называла не иначе как “эта слабода”). И началось... Шайки по селам мотаются, рыщут по дворам, кладовки трясут. Белые, зеленые, красные — черт их там разберет! Смотрел на них отец, смотрел и говорит: “Ни в кого из них правды нет, доченька...” — “А это же почему, папа?” — “Зерно лошадям на землю сыплют! Где ты видела, чтобы хозяин хотя бы зернышко в грязь уронил?

В мешочек несколько жмень отмеряет и на морду лошади нацепит... А эти нахозяйничают...

За последнее столетие были две масштабные попытки уничтожить крестьянство: первая — сталинская коллективизация, кровавая, жестокая, ужасно макабрическая, с голодомором и людоедством, миллионами человеческих жертв, — оказалась не совсем удачной, село выжило,

сохранило свою идентичность, давало хлеб и к хлебу. Как ни горько признавать, доби́ли его окончательно уже в независимой Украине. Под громкие лозунги и призывы к реформам наследники кровавых коллективизаторов прибрали к рукам дорогую сельскохозяйственную технику, продали за бесценок скот с животноводческих ферм, пустые коровники разобрали уже сами вчерашние колхозники, что вмиг стали нищими, никому не нужными. Им, правда, уделили земельные паи, которые десятки лет зарастали бурьянами, а потом и их отобрали, якобы в долгосрочную аренду...

Тысячи гектаров золотых украинских черноземов зарастают сегодня бурьянами, а те, что обрабатываются, цинично гробят посевами технических культур. Главное — деньги! После нас хоть потоп!

Неужели этого не видит новая украинская власть?

Кто знает, может и не видит...

Из-за шестиметровых бетонных заборов роскошных имений в Коча-Заспе, Пуще-Водице или в Карпатских горах не очень-то и рассмотришь, что там растет, примером на Полтавщине, Виннитчине

или даже под Киевом. На столе вон всё есть, что не пожелаешь, бери не хочу. Во дворе бассейны, газоны, искусственный дождик с артезианской скважины денно и ночью хлещет. Травушка сочная, зеленая глаз радует, даже скошенная не гниет...

А Украина в огне. Полыхают леса, горят полесские болота, валы неистового огня катятся заросшими сорняками полями, перебрасываются на человеческие жилища. Идут за дымом дома, гибнут люди, пропадают птицы и звери, задыхаются в чаду и копоты города. Пересохли реки и озера, нет воды в колодцах. Засуха, скажете. А только ли? Как тут не вспомнить Шевченко: “село неначе почорніло, неначе люди подуріли”. Когда это крестьянин, вместо убрать с огорода высухший бурьян, черкал спичкой? Наименее его бы посчитали не сполна ума, а еще бы и штраф наложили. Все шло в дело: перед копанием картофеля жали ботву, сушили, вязали в снопы, зимой с них резали сечку, кормили скот. Луг был выбрит как щеки гусара перед парадом — даже кусты и озера обкашивали на подстилку. А поджечь колхозную стерню? Тут уже не штрафом, тюрьмой попахивало... Сегодня это повсемест-

ная практика. Людям вроде мало войны на Донбассе и они взялись сами себя выжигать. Ну чем не апокалипсис?

Лирический герой повести, в котором безусловно угадывается сам автор, всю жизнь искал совершенства и любви. Ошибался, грешил. Его, как и каждого из нас, бросало между берегами...

Но он победил.

Нашел и совершенство, и любовь...

Любовь к Богу и Его любовь.

РЕАЛИЗМ УЖАСА

Мы живем в обществе, окутанном мраком. Преуспевать — вот высшая мудрость, которая капля за каплей падает из черной тучи корыстных интересов, нависшей над человечеством.

Виктор Гюго.

Религиозный человек понимает святое, священное, как нечто совершенно отличное от мирского. Для религиозного человека его жизненное пространство не есть однородным; оно состоит из разрывов, трещин, существуют части этого пространства, совершенно отличающиеся от остальных частей. Есть священное пространство, оно могущественное, значимое, и есть иные пространства, лишенные структуры, устойчивости, иначе говоря, аморфные. Религиозный человек это отсутствие однородности пространства воспринимает как осознанное противопоставление священного пространства, (при чем только оно и есть реальным, действительно существующим) и того хаоса, который его окружает — ос-

тального мира. Религиозный человек всегда стремится жить в священном, возвышенном мире, весь его опыт совершенно иного характера в сравнении с опытом человека, который не имеет религиозных чувств, живет в десакрализованном мире, принял мирское существование.

Сегодня религиозная идея переживает кризис. Как жить в мире, где нет ничего святого? Нет больше ни возвышенного, ни низменного. Человечество становится серой, бесформенной и потому безликой массой. Жизнь низводится до уровня простого существования, изнашивания материи, вырождения. Этот абсурд бытия нельзя преодолеть, но и смириться с ним невозможно.

Разлад между человеком и Богом, неспособность человека познать Добро, соединиться с ним и жить по Заповедям — именно в этом видит Анатолий Можаровский трагедию современного человечества. Для него Апокалипсис уже наступил: привычный мир рушится, всюду воцаряется зло. Всюду тьма и угроза. Бесчестие нависло над нашим домом и грозит очумить нас позором, но мы делаем вид, что ничего не происходит. Дабы узреть сущность происходящего, надо видеть не так, как все, надо

быть поэтом — обостренная впечатлительность, интуиция боли открывают ему тайный мир чудовищности человека, где насилие — не фрагмент мировой трагедии, а обобщенная реальная боль.

Поэзия Анатолия Можаровского — трагедия привычного, повседневного, обыденного — рядовой жизни рядовых людей. Анатолий Можаровский обладает особой восприимчивостью к социальным изменениям, говоря о них он проявляет интеллектуальную тонкость и проницательность. Как никому другому ему удалось передать время несбывшихся надежд, неисполнившихся обещаний, разочарование и безысходность постсоветской эпохи. Советский Союз по неизбежности и по справедливости исчез навсегда, наступила новая эра с противоположным коммунистической идее миропониманием, обесценивающая личность человека, его труд, обесценивающая культуру. Это не шаг вперед, а два шага назад: ожил не капитализм — феодализм дикий, примитивный, разбойный воцарился на постсоветском пространстве!

В поэзии Анатолия Можаровского постсоветский период предстает как царство зла, как отравленное царство. Это глубоко-

кое, почти смертельное отравление вирусом лжи и наживы. Разваливая СССР, ловкие прощелыги соблазнили людей, приспособившихся жить в условиях ограниченной личной свободы и вечного дефицита, прелестями свободного рынка, которые в результате обернулись ужасающей нищетой народа. Обогадилась лишь кучка беспринципных и беззастенчивых людей, которые и захватили власть: совсем недавно у нас позорно президентствовал уголовник, восседающий на золотом унитазах! Закончил он массовым расстрелом безоружных демонстрантов на Крещатике и трусливым бегством в Россию, президент которой не только приютил беглеца, а развязал войну с Украиной, чтобы вернуть “легитимного” на его золотой унитаз.

Да...Современную цивилизацию можно терпеть, только смеясь, издеваясь над ней...

Абсурд бытия в поэтической трактовке Анатолия Можаровского и воспринимается как глубочайшая и уничтожающая сатира. Всё абсурдно и потому реально. Всё невозможно и потому жизненно. Всё парадоксально и потому единственно верно. Цель художника — преодолеть привычное, взволновать мир. Художник — выразитель

и проявитель огромного, невидимого, невыразимого мира, который многие чувствуют, но не способны представить, расшифровать. Анатолий Можаровский потому и интересен как поэт, ибо потрясает душу пристальной правдой, обостренным чувством боли. Каждое его стихотворение — щемящая смесь безнадежности и надежды, нескончаемая борьба с миром и собой. И — обескураживающая искренность, выстраданность. Ему веришь. Вместе с ним пробуешь разобраться в самом себе, пытаешься осмыслить обстоятельства и события, понять себя и окружающий — как правило, враждебный, — мир.

Большинство людей живет, не сознавая своей ответственности, и в этом, наверное причина наших бед. Вот свежайший пример: выборы в Верховную Раду. После всего, что натворили регионалы — грабеж, убийства, разжигание национальной вражды, — их снова избирают! Народ настолько унижен нищетой жизни, что потерял силу избирать друзей и устранять врагов — врагам он предается не задумываясь. Олигархи и политики, сколачивая свои капиталы на бессовестном обворовывании народа, доводя его до крайней степени

нищеты, не понимают, что готовят себе и обществу ужасающую месть.

Общество потребления в нашем варианте — общество приобретательства: человек приобретает больше, чем может потребить. Душа, допустившая себя до стяжательства, расположена к преступности. Деньги всегда в сродстве с кровопролитием. Война в Донецке — поощряемый грабеж, дикий разгул бандитизма даже без соблюдения воровских “понятий” — это триумф беспредельщиков. И не надо нам баек о каких-то там федерациях и автономиях. Какая такая дэнээр-лэнээр? Тот, кто претендует на какую-то государственность, разве разоряет, уничтожает ту территорию, на которой он это государство декларирует обустраивать?

Анатолий Можаровский понимает страхи и душевные страдания современного человека, как результат бесконечного напряжения, вызванного столкновением между внутренней и внешней реальностью, необходимостью ежедневной борьбы за кусок хлеба и стремлением к духовной жизни. Понимает и вразумляет: живите проще и Бог не оставит вас, отметит своей благодатью.

ВЕРНУТЬ СЛОВАМ СМЫСЛ

Ни один человек, знакомый с реальным состоянием сегодняшнего общества, не может не согласиться с тем, что на существующей основе, оно недостойно сохранения.

Чарльз Элиот Нортон.

С каждым днем мир все глубже и глубже низвергается в пучину безумия. Слова и понятия теряют изначальный смысл, они становятся антиподами, обозначая совершенно противоположное: свобода сегодня — не осознанный уход человека ото зла и злодеяний, а вседозволенность, потакание самым что ни на есть звериным инстинктам и вожделениям; преуспевающего вора сегодня никто уже вором не называет, говорят: успешный человек, его не презирают, ему завидуют, превозносят, ему легко отдают власть. А какое нынче самое популярное пожелание? “Чтобы у тебя всё было, и тебе за это ничего не было!” Иными словами: воруй безнаказанно! А пресловутые топ-списки самых богатых лю-

дей? Кто туда попадает? Конечно, все те же успешные воры и стяжатели. Там нет ни писателей, ни ученых, ни изобретателей — людей созидających, а не ворующих.

Вот, к примеру, издается в Украине глянецовый журнал, в котором, уплатив приличные деньги, наперегонки публикуют свои напояженные физиономии и разукрашенные биографии политики, бизнесмены и прочие жаждущие сиюминутной славы деятели. “Публичные люди” называется журнал — ярчайший пример девальвации смысла слов! — “публичными” раньше были только дома и населявшие их девки — проститутки.

Подмена смысла слов, низведение их к абсурду, абракадабре, происходит умышленно. Особенно на высшем, государственном, уровне. Таким образом проходцам, узурпировавшим власть, удается её удерживать: людей, утративших смысл слов, легче одурачить, ими без особого труда можно манипулировать с выгодой для себя, выдавая ложь за правду.

На этом семьдесят лет держалась и строилась советская империя. Но чуть приоткрылась правда о ней — вмиг распалась. На ее месте появились новые государства, на-

селение которых, опьяненное перспективой свободы, и не изжив из себя ложь прежнюю, легко отдало власть тем же коммунистам, что еще вчера готовы были стереть “в лагерную пыль” всех, кто бы осмелился вдруг заикнуться о независимости какой-либо национальной республики, входящей в состав СССР. Таким лепили ярлык “буржуазный националист” и надолго отправляли в лагеря, а особенно строптивых — в сумасшедшие дома. И вот эти-то люди ретиво взялись обустраивать национальные государства, молниеносно сообразив какую личную выгоду это им дает! Отныне народ волен был собираться на многотысячные митинги, размахивать национальными флагами, сколько угодно кричать о свободе, критиковать коммунистическое прошлое и осуждать преступления тогдашних вождей. А вожди нынешние в свою очередь начали призывать строить ненавидимый ими еще вчера капитализм, всячески превознося прелести свободного рынка и конкуренции, внедряя в сознание масс либеральные идеи, которые оправдывают любые, даже извращенные проявления личности. Теперь можно всё!

За несколько лет разорены тысячи заво-

дов и фабрик, ихнее оборудование здано в металлолом, бесследно исчезли колхозы, миллионы людей утратили работу, опустелись до нищенства. Зато появились доморощенные миллионеры, сколотившие свои богатства на воровстве того, что принадлежало всем. Но гораздо страшнее экономического упадка, упадок моральный, деградация человека. Сколько людей надеялись на лучшее и ничего не дождались! Все обещания оказались ложью... Да и сами слова, в которые облекались те обещания и программы улучшения жизни людей и обустройства государства, на самом деле тоже были ложью, дымовой завесой, за которой власть и ее прилипалы спокойно мутили свои воровские капиталы, создавая свой, изолированный от жизни большинства людей, мирок. Действовал все тот же принцип подмены смысла слов и понятий. Хвалились: обустроиваем государство, а на самом деле рвали страну на части, по бандитски деля ее на сферы влияния и ставя туда своих “смотрящих”. Говорили: реформируем армию, делаем её профессиональной, а на самом деле продавали напропалую военное имущество, амуницию, оружие, земли воинских частей и полигонов. Обе-

щали: идем в Евросоюз, а на самом деле давно уже послушно плясали вприсядку под кремлевскую балалайку. Власть обнаглела во лжи до такой степени, что утратила элементарный инстинкт самосохранения. И грянул Майдан.

Как ни прискорбно, но почти ничего не изменилось. Сегодня в ходу все та же риторика подмены понятий и смыслов, может пока не столь уж наглая, как у властей предыдущих. Но ложь всегда ложь. И нет разницы — большая она или маленькая, “невинная”, как иногда говорят. Ложь — это всегда воплощение зла. Солгать чуть-чуть — невозможно. Тот, кто лжет, лжет до конца. Ложь — это олицетворение дьявола. У Сатаны есть два имени: он зовется Сатаной, и он зовется Ложью.

От книги к книге Анатолий Можаровский не устает повторять: ложь — это наиболее современная форма зла. Поэт показывает чрезвычайное многообразие и тонкость ее форм. Для него ложь — смертный грех, а каждое лживое слово — ржавый гвоздь вбиваемый в тело распятого Христа. Нет власти без ингредиента лжи. Главное оружие современных политиков в борьбе за власть — ложь. Власть захвати-

ли люди беспринципные и беззастенчивые. Не скупясь они раздают красивые обещания, которые невозможно выполнить. Подобно дьяволу они искушают народ ложью. Соблазняя материальными благами, разжигают в нем алчность и зависть. Расхваливая приватизацию как некий волшебный рог изобилия, из которого вот-вот посыпется все, что ни пожелаешь, они узаконили откровенный грабеж государственного имущества. И сколотили на этом огромнейшие состояния. Дабы оградить свои капиталы от любых посягательств, выстроили и свое “правосудие”. Опять таки: на той же лжи, соединенной со страхом, угрозой и насилием. Олигархия открыла двери одному из самых пагубных пороков государства — беззаконию. Власть не останавливается перед поправлением любого установления, ни Божеского, ни человеческого. У нас слово “правосудие” звучит либо насмешкой, либо воплем отчаяния. Право, какое же это правосудие, когда узаконена широчайшая терпимость к преступлению? Ведь капитал олигархов аморален — это украденные деньги, преступные деньги; они эксплуатируют не только труд людей, но и недра —

дарованы Богом для всех людей. Они враги Бога и человека. Олигархический режим вот уже более двух десятков лет унижает достоинство простого человека. Не десятки — тысячи случаев, когда пострадавший от произвола хозяина “успешно приватизированного” предприятия человек, обратившись в суд, становится преступником и оказывается за решеткой только за то, что осмелился искать справедливости!

Для Анатолия Можаровского, как и для большинства людей, живущих по христианским заповедям, стремящихся к духовному совершенству, а не к материальным излишествам, современная действительность невыносима:

...жизнь полна ада
и его испарений,
воздуха нет уже
и нет настроения
что-то менять...

Действительно, мы существуем среди мошенничества, фанатизма, демагогии и всепоглощающего абсурда. Повсюду заправляет посредственность, серость, вопиющая дикость. Они отнимают у жизни жизнь, лишают ее активности, остроты,

характерности и энергии. Время как бы законсервировано, и никакими усилиями нельзя вырваться из него, да и опыт всех предыдущих попыток одинаково плачевен: всё заканчивается очередным разочарованием и потерей последней надежды. Разочарованный, утративший надежду человек становится легко управляемым. Он уже не имеет личной инициативы, превращается в вещь. Человек-вещь — болезненное, загнанное животное. Он беззащитен. И последнее слабое усилие, на которое он еще способен — выжить, как нибудь выжить...

Вернуть человеку человеческое, напомнить, что он творенье Божье, и стремится всем своим творчеством Анатолий Можаровский. Он пишет об униженных и оскорбленных, пишет с искренней любовью и сочувствием. Он не возвышается над ними, понимая настолько слаб человек, облеченный в плоть, которая является для него одновременно и тяжким бременем, и искушением. Доведенный обстоятельствами до нищенского существования, человек вынужден подчиняться плоти. В этом подчинении также может скрываться грех: чтобы утолить голод, человек способен совер-

шить кражу. Но такой грех простителен. Это падение, но падение, которое может завершиться раскаянием и молитвой.

Совсем иное дело, когда человек грешит сознательно, продавая душу дьяволу, ради личной выгоды, политической карьеры, обретения богатства. Это уже сделка с дьяволом. Такой человек — враг Бога. И тут Анатолий Можаровский беспощаден. Человек, отвергающий Бога и Его Заповеди, и его личный враг. Враг сильный и опасный, потому что в нынешнем обществе, используя ложь и обман, он получил неограниченную власть. Показывая ничтожество нынешних политиков, которые мнят себя “великими государственными деятелями” он едко саркастичен:

Хорошо, что бесы
в Украине лодыри, бездари,
а то бы в издания Библии
портреты политики клеили...

Их нелепые выступления, абсурдные действия, непомерная жадность и продажность, дикарская тяга к внешнему лоску, уже сами по себе пародийны, в интерпретации поэта — становятся символом дьяволиады:

Они прошли все формы:
коммунизм, капитализм.
Теперь вот строят сатанизм.

Поэт высмеивает бездарных политиков, привыкших судить о культуре с высоты собственного невежества. Ихними стараниями теперь искусством может стать всё что угодно. Совсем недавно один из олигархов, позиционируемый как “меценат современного искусства”, притаранил в Киев выставку “наикреативнейшего” скульптора. “Ваятель” представил набор никелированных кастрюль разных диаметров воткнутых одна в другую и расставленных горками. И прокатило. Все охали да ахали, раздавали интервью. Ну, разве не дьявольщина?

В ихнем понимании украинская классическая культура не просто безнадежно устарела. В ней кроется что-то опасное, реакционное, отдающее национализмом и фашизмом. Тот, кто с этим не согласен — ублюдок и реакционер.

Многие трагические события, которые нынче потрясают Украину да и все постсоветское пространство, Анатолий Можаровский предвидел и описал задолго до того, как они произошли. Понятно, никто

не воспринял это всерьёз: мол, мало что можно написать! Но, как свидетельствует опыт мировой литературы, настоящий поэт — всегда провидец. Обостренная впечатлительность, интуиция, способность остро воспринимать, глубоко чувствовать и видеть мир в образах и символах, показывать соответствия между вещами, умение объединить в неразделимое целое опыт, мечту, вымысел и помогает ему понять прошлое, оценить настоящее и прозреть будущее.

Может быть, иногда и следует прислушиваться к поэтам? Сегодня Анатолий Можаровский говорит о новой революции, причиной которой может стать отчаяние. Это будет революция нищих и обездоленных, разочарованных и обманутых. Мир голодных и рабов давно заслужил право взяться за топор. А когда их гнев обернется сметающей все на своем пути бурей, ни миллионы в офшорах, ни личные самолеты, ни армия, ни полиция никого из нынешних “успешных хозяев жизни” не спасут...

...В романе Германа Броха “Смерть Вергилия” старый, измученный болезнью-

ми поэт с горечью подводит итог своей жизни: "...поэт ни на что не годен, ни в какой беде он не помощник, и слушают его лишь тогда, когда он мир приукрашивает, отнюдь не тогда, когда он изображает мир таким, каков он есть. Ложь, а не истина дает славу!"

Льстецы и подхалимы бесследно исчезают во мраке веков вместе с теми, кому они льстили, искажая истину.

Настоящие поэты принадлежат вечности.

Содержание

Время, изгаженное человеком	3
В любви и вере	17
Поэт в не-поэтов времена	27
В безумном мире, в стране безумцев... ..	34
Преодоление одиночества	38
Созидаю крупницами силу	53
“Мы новых ждём людей...”	64
Порвать цепь постсоветчины	74
Постичь человека... ..	81
Поэзия как предвидение	89
Опыт страдания	95
Дьяволиада как метафора современного мира	105
Со временем впритык	113
Воспоминание о воспоминании	125
В поисках любви	132
Реализм ужаса	142
Вернуть словам смысл	148

Здано до виробництва та підписано до друку 09.12.2015.
 Формат 70х90 1/32. Зам. 215-7522
 Ум.друк.арк. 5,0.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
 01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43
 Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.